

A romantic close-up of a man and a woman about to kiss. The man has dark, wavy hair and a beard, and is wearing a dark suit jacket over a light-colored shirt. The woman has long, dark, wavy hair and is wearing a light-colored top. They are both looking towards each other with soft expressions. The background is a warm, blurred brown color.

Полина Диева

БЕЗ ПРАВА НА

ИЗМЕНУ

— С кем? Ах, да. С ней ничего не будет. Забеременеет от вас, если повезёт. Не берите в голову. — Как это не брать в голову? Она же родит мне сына! — о рождении дочери я даже не помышлял. — И будет счастлива, что принесла пользу своей стране. Получит два года комфортной жизни, потом вернётся в Рай и... не факт, что это будет ваш ребёнок. Забудьте. Численность населения падает во всём мире и процесс уже достиг катастрофических масштабов. Дети Рая получают лучшее — образование, питание, заботу и никогда не получают информацию о своих биологических отцах. Знаю, вам сложно принять свою функцию осеменителя, но все мужчины Платинового списка рано или поздно начинают её реализовывать. Вы тоже рано или поздно вернётесь в Рай, но уже по собственному желанию.

Глава 1

Девочки стали меньше появляться на свет около ста лет назад. Сначала этому не придали значения, решив, что произошёл какой-то сбой и скоро природа отрегулирует сама себя. Многие шептались, что перед войной идёт всплеск рождения мальчиков, другие грешили на экологию. Но факт оставался фактом — с каждым годом мужчин становилось больше, а женщины превратились в дефицитный товар.

Мне ещё повезло — в год моего рождения на каждую родившуюся девочку приходилось пятьдесят мальчиков. Сейчас только каждая тысячная беременность заканчивается появлением на свет особи женского пола. Одна на тысячу! Пожалуй, я не хочу жениться и мой выбор — единственный верный. Пусть у меня никогда не будет детей, но я смогу получить полноценное удовлетворение от прожитой жизни.

— Мне нужно заявить о своём отказе от участия в лотерее, — я перехватил сигарету из рук Артёма.

— Мить, не глупи. Рано или поздно ты захочешь стать отцом и пожалеешь о своём решении.

Артём старше меня, но мы как-то сразу нашли общий язык и настолько сдружились, что всё остальное отошло на третий план. Если раньше любая, проходящая мимо девушка, вызывала восторг и преклонение, то сейчас я не обращаю на них никакого внимания. Пусть ходят в своих коротких юбках, наслаждаясь вниманием других. От меня они больше не получают ни одного восхищённого взгляда.

— Я больше не хочу отношений с женщиной.

— Зря. Я хочу многих. На всякий случай, ты должен знать, что я ВИЧ-положительный.

— Ты должен был мне сказать сразу!

Я вскочил с кровати и начал одеваться.

— Глупыш. У меня достаточно много денег, чтобы оплачивать терапию. Я безопасен для своих партнёров, а для тебя тем более. В каком веке ты живёшь?

Точно! Вот прямо сейчас я оскорбил лучшего друга на ровном месте из-за средневекового невежества. Надо понимать, что Артём — известный бизнесмен, продюсер. Благодаря ему мою первую книгу скоро опубликует известное издательство, будет запущена обширная пиар-кампания и обо мне узнают миллионы. Я тоже не из простой семьи. Жил за границей, имею знакомства и связи, но до уровня Артёма мне как до луны. Без него я ничто. Жалкий, никому не нужный писака.

— Прости меня. Хочешь, я извинюсь?

— Не нужно.

Артём точно обиделся: выдержал небольшую паузу и засобирался домой.

— Мы ещё увидимся?

— Может быть.

Вот так я всё испортил. Что мне делать, если Артём не вернётся? Без его помощи книга, которую я писал много лет, останется пылиться на полках. А мне придётся всю жизнь работать никому не известным журналистом.

Полгода я провёл в подвешенном состоянии: старых знакомых больше нет, а Артём даже на звонки перестал отвечать. Полгода метаний и сомнений. Несколько раз я поднимал трубку, чтобы позвонить на горячую линию поддержки мужчин и попросить стерилизацию.

До знакомства с Артёмом я звонил им часто. Взрослые, опытные, женатые мужчины рассказывают о невероятных ощущениях во время первой брачной ночи. Пытаются заставить тебя поверить, что выиграть в лотерею более чем реально и... Рекомендуют старинные фильмы порнографического содержания для просмотра. Так себе служба поддержки, но лучше, чем ничего. Мне нравилось слушать их, мечтать о женитьбе, удовлетворять самого себя.

Им же нужно признаваться в том, что ты больше не хочешь ждать свой приз в виде законной жены. Если бы не Артём, я бы давно отказался от потенции и получил доступ к ночным клубам, сайтам знакомств для мужчин, прочим кружкам по интересам. Я пока толком не знаю, что там полагается отказавшимся от жены и детей. Но, судя по слухам, это что-то невероятное. Власти понимают, что мужчинам тяжело удерживать страсть внутри и без женщин многие из нас срываются — проявляют агрессию, дерутся, убивают друг друга. Небольшая операция способна усмирить пыл неудовлетворённого самца, поэтому кастрация всячески поддерживается и поощряется.

Остальные должны терпеть, страдать, сидеть дома и смотреть кино с голыми тётеньками. Ах, да, можно ещё посещать культурные мероприятия типа театра и музея. Или закрытые вечеринки, которые проводятся втайне от властей. На одной из них мы с Артёмом и познакомились. Вот только попал я на неё совершенно случайно.

— Привет, как дела? У меня сегодня день рождения. Придёшь?

Узнал его голос сразу.

— Прости, что не поздравил. Твой номер всегда скрыт, но я всё помню...

— Поздравишь вечером. Вернее ночью. Жду тебя ровно в полночь. Записывай адрес... Назовёшь охраннику своё имя, он тебя пропустит.

Короткие гудки. Я слышу их и биение своего сердца. Волнуюсь так, как никогда в жизни не волновался. Неужели Артём простил меня? И решил забыть о том маленьком недоразумении. Надеюсь, что да. Забавно, что мужская дружба оказалась настолько важной для меня.

Я крутился перед зеркалом минут пятнадцать, перемерив почти все рубашки. Раньше мне было глубоко плевать на то, как я выгляжу. Хотя нет. Дело в Артёме. Я не хочу, чтобы он разочаровался или стыдился меня.

Расстегнул ещё одну пуговицу. Вот так. Никаких галстуков и пиджаков. Только полупрозрачная белая рубашка, очень удачно обтягивающая мускулы. И узкие чёрные брюки. А ещё одеколон.

— Хреново выглядишь, — Артём не оценил моих стараний.

Именно такими словами он встретил меня при входе. Я покраснел.

— Ой, какой робкий мальчик. Новенький? — незнакомый мужчина протянул мне руку.

— Новенький, — ответил ему Артём. — Иди, нам поговорить надо.

— Как жаль! Если надумаешь пообщаться, то я всегда готов, — подмигнул мне и растворился в толпе.

Количество людей действительно превышало все разумные пределы. В небольшой зале без окон собралось не менее трёхсот человек. Похоже, Артём пригласил всех, кого знает. Я впал в уныние, поняв, что лишь один из многих. Ни о каком эксклюзивном общении сегодня и речи не идёт. Просто мой лучший друг решил пышно отметить свой юбилей. Ну хоть вспомнил обо мне и то дело.

Вечеринка проходила в подвальном помещении, из гостей — одни мужчины. Куча охраны, лёгкие закуски и море алкоголя. Странное место в пригороде. Очень далёкое от лакшери. К тому же здесь очень жарко.

— Ты не голоден? — Артём появился неожиданно и положил руку мне на плечо.

— Нет, — я постарался оттащить его в сторону, чтобы спокойно поговорить.

— Хочешь уйти? — но он остался стоять на месте.

— Наверное. Почему ты выбрал это место?

— Потому что здесь безопасно, — Артём пожал плечами. — Но если тебе не нравится, ты можешь уйти.

И я ушёл. Не потому что обиделся на него, а потому что чувствовал себя неуютно в большой кампании. Дружба между мальчиками и мужчинами не запрещена, но не поощряется ни обществом, ни государством. Считается, что одинокий сын будет лучше справляться с ожиданием выигрыша в лотерею и будет доставлять меньше проблем.

Несмотря на холодное расставание, Артём продолжил мне помогать. Уже на следующий день по всей Москве рабочие начали развешивать баннеры с рекламой моей книги. Я получил приглашение на участие в ток-шоу и десятки уведомлений о том, что моё имя включено в списки гостей закрытых мероприятий с участием звёзд первой величины. Не могу поверить, что всё это происходит со мной. Ещё вчера никому не известный писатель стал чуть ли не самым популярным в стране. Одно омрачало мой триумф — моя книга изменилась. Она больше не была прежней. Из старого сюжета остался лишь образ главного героя и общие декорации. Всё остальное было переписано с нуля.

Вначале я успокаивал себя тем, что над любым текстом работают редакторы и это нормально. Потом пытался порадоваться тому, что Артём давно готовил мне дорогу к славе, а, значит, для него наша дружба также важна, как и для меня. Но спустя месяц я осознал, что вся моя жизнь — фальшь. Под моим именем продаётся чужой роман, с моим единственным другом дружат десятки или даже сотни людей. У меня даже квартиры своей нет — только съёмная конура.

Я с хмурым лицом продолжил ходить на мероприятия в надежде встретить Артёма, но тот будто сквозь землю провалился. Оно и к лучшему. Всё равно не знаю, что ему сказать и как вести себя. Нам нельзя демонстрировать при посторонних своё близкое знакомство, иначе пойдут слухи — все знают о том, кто он. Ругаться нам тоже нельзя. Даже сказать «спасибо» я ему смогу только шёпотом, так, чтобы никто не услышал. Остаётся только вежливо поздороваться при встрече и ждать звонка.

— Дмитрий, поздравляю вас, — на презентации спектакля ко мне подседа миловидная девушка. — Вы получите жену вне лотереи.

— Такое возможно? — я не поверил ей сначала, решил, что она решила пошутить над «начинающим, но очень талантливым писателем» как называли меня в прессе.

— Конечно, возможно. Лотерея для простых смертных, а гении просто обязаны оставить потомство. Странно, что вы этого не знали.

Кем-кем, а гением меня пока никто не называл. Разумеется, государство заинтересовано в том, чтобы размножались самые умные и талантливые. Вот только я ни к первой, ни ко второй категории не отношусь. С чего бы меня вдруг включили в золотую карту?

— И кто же та несчастная? — я постарался изобразить равнодушие.

— Почему же несчастная? Очень даже счастливая. Вы молоды, хороши собой, одарены природой и приятны в общении. Жанна, очень приятно, — она протянула мне руку.

«Артём, что ты творишь» — подумал я.

Он испытывает меня? Проверяет? Или наоборот — хочет сломать, прогнуть, заставить подчиняться его воле. Я могу отказаться от заключения брака прямо сейчас, заявить о нежелании семьи и согласии на кастрацию. Найти себе друзей, завести собаку и жить той жизнью, которой живут миллионы мужчин. Вот только читать меня тогда никто не будет. И публиковать тоже.

— Ты меня совсем не знаешь. Неужели тебя не пугает необходимость выйти замуж за незнакомого мужчину? — мягко отстранился от «невесты».

Я правда не мог понять, почему эта девушка, представившаяся Жанной, так радуется браку со мной. Она совсем молоденькая. Лет восемнадцать-девятнадцать, не больше. Должно быть, девственница. Добрачные связи запрещены для всех и строго контролируются полицией нравов. Ну да, точно. На её руке браслет, отслеживающий каждый шаг и показатели здоровья. Если она попробует заняться хотя бы петтингом, по адресу тут же приедет группа перехвата. Мужчину арестуют, а её отправят в монастырь.

— Меня угораздило родиться в семье писателей, — она мило передёрнула плечиками. — Не волнуйся, я — бездарность. Но гены... В общем, мне с рождения суждено было выйти замуж за какого-нибудь писателя. Я видела список претендентов — там всем больше сорока лет. Так что с тобой мне очень повезло.

Продолжать болтать с ней, не было никакого желания, поэтому я поспешил вежливо раскланяться и уехал домой. Мне нужно побыть одному и подумать, что делать дальше. Но даже настолько простая вещь сегодня оказалась недоступной — Артём ждал меня в моей квартире, развалившись на диване.

— Ты рано. Я думал, ты отведёшь свою невесту в ресторан и отметишь помолвку, — в его глазах светился огонёк азарта, он с интересом наблюдал за моей реакцией.

— Так это не шутка?

— Что? Твоя невеста? Нет. Я же говорил тебе, что рано или поздно ты захочешь стать отцом.

— Я не хочу. И жениться на ней тоже не хочу.

— Зато я хочу, — он схватил меня за плечо. — Ты вольёшь в её лоно мою сперму, пока она спит.

— Что?

Он смотрит на меня так странно. Будто бы сомневается в правильности своего выбора. Я крепко сжал кулаки, чтобы не врезать ему. Так долго у меня не получалось понять, почему он так ко мне относится. Притягивает и отталкивает. Даёт и забирает. Теперь всё встало на свои места.

— Почему ты не женился сам, если так сильно хочешь стать отцом?

— Был молод и глуп. Как и ты считал, что не хочу иметь детей и никогда не захочу. Мне нужно было влиться в тусовку, общаться с мужиками не в театрах, а на частных мероприятиях. Митя, заканчивай вести себя как ребёнок. Я дал тебе всё и дам ещё больше, когда твоя жена родит мне сына. Теперь вы — моя семья и моя ответственность.

— Ты же не можешь...

— Что не могу? Я был молод и глуп, но достаточно образован, чтобы на всякий случай заморозить несколько порций спермы. Не вникай. Просто когда придёт время, следуй инструкции. Ок?

— Ок, — нехотя согласился на его ультиматум.

Это именно ультиматум. Хоть Артём и говорит со мной очень вкрадчиво, будто спугнуть боится, между строк явно прослеживается «только откажись и всего лишишься».

— Почему именно я? — прямо спросил его.

— Я следил за тобой со школьной скамьи. Видел, как ты смотришь на женщин. Не как все остальные мальчики, по другому. В твоих глазах была не только животная похоть, а какое-то уважение и даже восхищение. Для тебя особи женского пола — почти произведения искусства Митя, ты можешь любить свою жену, своих детей, моих детей и быть лучшим другом при этом. Не каждому это дано.

— Не уходи, — я остановил Артёма уже в прихожей. — Просто побудь со мной. Выпей. Поговори.

Он остался, но разговаривать со мной не стал. Мы молча пили до утра, смотрели порно и думали каждый о своём. Я о предстоящем браке, Артём о сыне. По крайней мере загадочная улыбка то и дело блуждала по его лицу.

Я специально никогда не интересовался тем, как проходит подготовка к свадьбе. До знакомства с Артёмом хотелось сохранить интригу, чтобы вкусить всё счастье победителя лотереи по полной. А потом будущее супружество просто потеряло значение. Конечно, пару раз я присутствовал на самом мероприятии. Кричал «горько» вместе с другими гостями, пил за здоровье молодых и любовался девушками на балконе, но как девственник всегда покидал ритуал, не дожидаясь его окончания. Так заведено.

Во избежание случайных связей и внеплановых контактов власти делают всё, чтобы представители двух разных полов почти не пересекались. Изнасилование — немыслимое преступление в наше время и не только из-за браслетов на девушках. Просто при всём желании его реализовать практически невозможно. Женщины — вымирающий вид. Они находятся под особой охраной государства с рождения и до самой смерти. Вдов выдают замуж повторно, если они ещё способны рожать. Тех, кто старше — отправляют в монастырь. Охрана остальных ложится на плечи отца, а потом мужа.

Утром я проснулся от настойчивого стука в дверь. Артёма уже не было, он, видимо, тихо оделся и ушёл, когда я заснул.

— Дмитрий Островский? У вас не работает дверной звонок. Эта ваша квартира? Вы не можете привести сюда жену.

Мужчина в форме задавал вопросы, но не дожидаясь моих ответов — сам на них отвечал. Он даже осматривать моё жильё не стал — выдал перечень требований к дому, пригодному для проживания женщины и детей.

— Вы можете оформить кредит. Если родится девочка, заботу о безопасности вашей семьи возьмёт на себя государство. У вас три месяца, чтобы подготовиться к свадьбе.

Я даже дверь за ним не стал закрывать, настолько меня удивили нереальные требования, которые должен выполнить счастливый победитель лотереи. Выданный мне список гласил, что за три месяца я должен организовать:

1. Дом общей площадью от двухсот квадратных метров, не менее пяти спален.
2. Забор высотой три метра.
3. Систему видеонаблюдения, сигнализацию, договор с охранной фирмой, имеющей лицензию.
- 4 А-а-а...

Полный перечень требований к будущему жилью молодожёнов занимал три страницы. В итоге, за три месяца мне придётся как-то раздобыть не просто дом — крепость. Бонусом

необходимо оплатить отдых в одном из сертифицированных домов отдыха на побережье.

Перечень застройщиков, предлагающих подходящее жильё, и отелей для отпуска прилагался отдельно. Тут меня осенило: как много мужчин в состоянии выполнить все эти нелепые стандарты? Что делать, если денег нет? Кредитное рабство до гробовой доски?

До того, как передать бумаги, полицейский потребовал, чтобы я подписал соглашение о конфиденциальности. Власти скрывают условия, которые должен выполнить победитель лотереи, чтобы получить свой выигрыш. Естественно, в сети и на кухнях ходят некоторые слухи, все понимают, что семья — это дорого, но не настолько же!

Моя книга успешно продаётся, благодаря Артёму. Вот только даже для меня покупка подходящего дома — недоступная роскошь. Я открыл на ноутбуке интернет-банк и очень удивился, увидев перечисление крупной суммы от имени издательства. Меня напечатают. Второй раз. Но уже огромным тиражом. Вот только ещё вчера я об этом не знал и договор с издательством не подписывал. С чего бы им перечислять мне столько денег авансом? Разумеется, Артём постарался. Он всё предусмотрел. И позвонил, чтобы похвастаться.

— Как тебе плата за право стать мужем и отцом? — с усмешкой в голосе произнёс он.

— Где обычно люди берут деньги на семью? — я не удержался и задал интересующий меня вопрос.

— Много вариантов. Тебе о них лучше не знать. Я всё организую. Не благодари.

— Не благодарю. Но и помощь принимать не стану. Я сам заработаю.

— Ты? Как? На стройку пойдёшь или на рудники поедешь? Ты себя видел?

— Разберусь.

— Второй раз участвовать в лотерее запрещено, Дим. Не можешь забрать приз — забудь о женщинах.

— Пусть так. Это тебе нужен ребёнок, а не мне. Я уже почти согласился на стерилизацию.

— Её выдадут замуж за другого.

— Пусть так. Мне всё равно.

— Уверен? В семейные конфликты полиция не вмешивается до тех пор, пока не будет причинён реальный вред здоровью или смерть. Жизнь женщин слишком закрыта от социума, большинство мужчин просто не осознают масштабы проблемы, иначе они бы уже давно начали сами наказывать домашних тиранов. Мы же прекрасно понимаем, что насилие порождает насилие.

Я вспомнил Жанну, которая, вопреки воспитанию и традициям, сама ко мне подошла и была счастлива стать женой. Не просто женой, а моей женой. Может быть, я действительно многого не знаю.

— Ты думаешь, что я могу ударить женщину или ребёнка?

— Конечно, можешь. Ты и меня чуть не ударил однажды. Пока нет смысла обсуждать этот аспект твоей будущей семейной жизни, но очень рекомендую тебе поработать над контролем агрессии. А пока... Пригласи Жанну на свидание.

— Я не хочу.

У меня действительно нет настроения, да и общаться с женщинами я совсем не умею.

Девочки учатся отдельно, высшее образование не получают. За всю свою жизнь я всего четыре раза общался с представительницами прекрасного пола, и то это были мои дальние родственницы. По правилам, увидев девочку или женщину на улице, мужчины обязаны отойти в сторону, уступив ей дорогу, и опустить глаза.

Естественно, я смотрел. И, как правильно подметил Артём, любовался. А как иначе? Они ведь действительно как картины — к ним нельзя прикоснуться, поговорить, даже помочь при случае. Помню, как на моих глазах одна девушка поскользнулась и, вероятно, сломала ногу. Всем пришлось обходить её по проезжей части, а бедняжке дожидаться, когда браслет передаст сигнал и вызовет Скорую помощь в сопровождении полиции. Ни один мужчина не посмел даже сумочку, отлетевшую в сторону ей подать. Я тоже. Потому что наказание: от трёх до семи лет в колонии строгого режима.

— Кого интересует твоё «хочу»? — Артём буквально начал кричать на меня. — Я забронировал вам столик. Купи цветы и какую-нибудь золотую безделушку. Она любит гранаты и лилии.

Я не сразу понял, что из перечисленного цветы, а что камень. Нужно побольше почитать про женщин в интернете. Почему-то в детстве мне казалось, что они — прекрасные феи, как моя мама. Добрые, красивые, неземные. Вот бы сейчас поговорить с ней... Моя мама в монастыре уже давно, она попала туда сразу после смерти отца. Тогда мне было всего десять и меня передали на воспитание дяди, который так и не получил свой приз в лотереи. Не знаю точно, почему маме не позволили выйти замуж второй раз и остаться со мной, ведь она тогда была достаточно молодой для рождения детей. Дядя говорил, что у неё какие-то проблемы со здоровьем.

Женщины в нашей стране очень хорошо защищены. Даже от собственных детей. Последний раз я видел маму на похоронах отца — на последнее прощание с мужем она приехала уже в платке послушницы, была очень тихой и молчаливой. Больше мы не общались. Вход в женский монастырь для мужчин любого возраста запрещён.

— Ладно, не злись. О чём мне с ней говорить?

— О книге своей говори. Это же твоя невеста — сам думай, как будешь её развлекать. Всё. Пока.

Я приехал за своей невестой за пять минут до назначенного времени свидания и очень удивился. Они издеваются? Неужели Жанна живёт здесь? Как вообще здесь можно жить? Особенно девушкам.

Настоящая тюрьма с забором, колючей проволокой, и вышками с автоматчиками. Кого они отстреливать собрались? Девчонок? Или их тайных воздыхателей?

Меня заставили полностью раздеться, пройти через рентген. Осмотрели цветы, побрызгали их чем-то, проверили под ультрафиолетом. Даже камень из кулона извлекли! И всё это перед свиданием с девушкой, которая через три месяца станет моей женой...

— Руки держать на столе, чтобы я видел. Compliments по поводу попы, груди, губ запрещены. Можно хвалить руки и глаза. Фигуру не трогать. Интимные вопросы не обсуждать. На девушек за соседними столиками не смотреть. Всё ясно?

Это уже даже не полицейский — военный. С пистолетом в кобуре. Он пристрелит меня, если я нарушу их idiotские правила? Да какого чёрта происходит? Я на свидание в ресторан пришёл или на встречу с особо опасной преступницей?

Жанна в этот раз выглядела иначе. Вместо задорной девчонки в джинсах передо мной сидела степенная женщина в длинном платье. Она лениво ковырялась вилкой в салате и не выразила никакого возмущения по поводу моего опоздания.

— Рада вас видеть, Дмитрий. Как прошёл ваш день? — она не отрывала глаз от тарелки.

Ресторан оказался вполне приличным — красные скатерти, свечи, официанты и очень хорошая еда. Если бы не офицеры с огнестрельным оружием и решётки на окнах, можно было бы забыть о том, через что мне пришлось пройти, чтобы попасть сюда.

— Великолепно. Как ты? Любишь овощи? — неловко попробовал завести разговор.

— Они полезные. Женщина должна иметь хорошую форму, чтобы выносить ребёнка. Белки, жиры, углеводы — всё должно быть сбалансировано, — отчеканила заученную фразу.

— С тобой всё в порядке? — коснулся её руки, она сразу отстранилась.

Когда я познакомился с ней? Вчера? Не могу поверить. Что с ней случилось всего за одну ночь? Притворяется? Играет? Боится охранников? Нет... Покрасневшие глаза выдают её. Видно, что она долго плакала. Почему?

— Ты больше не хочешь быть моей женой? — шальная мысль случайно появилась в голове.

— Хочу! Очень хочу!!! — теперь она схватила меня за руку, но тут же снова одёрнула себя, взяла вилку в руки и начала медленно есть салат. — Только не передумай, пожалуйста. Я не хочу оставаться здесь.

— Ты живёшь здесь? — я до последнего надеялся, что участвую постановке.

Жанна кивнула.

— Со вчерашнего вечера. Мне исполнилось восемнадцать, и я больше не могла оставаться дома. Спасибо, что ты есть.

Возникла неловкая пауза. Я совершенно не понимал, что ей сказать и как поддержать. Мне действительно нравится эта маленькая девочка, но я не могу понять — почему она так испугана? Она же молодая женщина. Одна из немногих оставшихся. Чего ей бояться? С самого рождения её жизнь и здоровье под особой охраной государства, муха мимо не пролетит, комар не укусит — Жанна в полной безопасности. Наверное.

— Какие блюда ты любишь? — мимо нас прошла грозная пожилая женщина, строго посмотрела на Жанну, после чего та выдавила из себя улыбку. — Я буду очень хорошей женой, обещаю. И мне нравится секс. Очень.

Что она несёт? Какой секс и как он может ей нравиться? Загорелась красная кнопка, сработала сирена и нас всех попросили покинуть ресторан. Мужчины шли к выходу, девушек собрали у барной стойки. Только сейчас я заметил, что они одеты почти одинаково. Да, платья были сшиты с учётом особенности фигуры, но ткань, фурнитура и общий дизайн одинаковы. Я видел школу для девочек — она выглядела иначе. Обычная школа. С забором, охраной, вахтёром при входе. Уж точно не тюрьма.

Вернувшись домой, я сразу позвонил Артёму, но его телефон не отвечал. Попробовал поискать информацию о ресторане, в котором только что побывал, но ничего не нашёл. Странно всё это. И не понятно. Зато теперь я полностью избавился от сомнений — свадьбе быть. Жанна не знает обо мне ничего и сама не понимает, с кем связывается, но в той тюрьме ей явно плохо. Не понимаю, за что и почему она туда попала, но мне просто необходимо выволить её оттуда. Я очень постараюсь стать для неё хорошим мужем.

Второго свидания пришлось ждать очень долго. Я регулярно посылал запросы, но каждый раз получал отказ.

— Почему мне не разрешают увидеться с будущей женой? — в конце концов я добрался до руководства того заведения, в котором находился ресторан и гостиница для невест. — Она что-то натворила? Долго ей здесь сидеть?

— Молодой человек, не волнуйтесь. В день свадьбы Жанна покинет эти стены и станет вам полноценной супругой, — директором тюрьмы оказалась женщина с усами в форме без опознавательных знаков, которую сначала я принял за мужчину. — Девушка она своенравная, но сложная, поэтому вам и запрещены свидания. Мы успеем закончить её воспитание в срок. Вы получите послушную жену.

Я очень хотел высказать ей всё, что о ней думаю. Пришлось сжать кулаки, чтобы не психануть. Разве я заказывал послушную жену? Почему они должны её воспитывать? И как возможность поближе познакомиться перед браком связана с характером невесты?

— Что у вас за заведение? — процедил я сквозь зубы. — Я хочу знать, кто будет матерью моих детей. Не пытайтесь подсунуть мне «кота в мешке».

— Так бы сразу и сказали! — женщина выдохнула. — Смотрю, вы выполнили все требования?

Благодаря Артёму я действительно очень быстро оформил подходящий для жизни семьи дом, забронировал пансионат из списка и заказал банкет в ресторане. По крайней мере, в этой части проблем больше не существует.

— Государство, как вы знаете, поддерживает традиционные семейные ценности. К сожалению, пока воспитанием девочек занимается её семья и нам приходится исправлять некие дефекты, которые возникают... ну вы понимаете? — женщина подмигнула.

— Нет, не понимаю, — строго посмотрел ей прямо в глаза.

— Для папы она — маленькая девочка с бантиками. Он её балует. Позволяет многое. Много раз поднимался вопрос о том, что девочки должны воспитываться в интернате... Но, увы, наш запрос всегда отклонялся. Надеюсь, со временем...

— Не заговаривайте мне зубы, — прервал её демагогию.

— Хорошо, не буду. Так вот. Вам не очень повезло с невестой, но у нас есть способы быстро превратить её в идеальную жену и мать. Не волнуйтесь. Только хочу предупредить — Жанночка склонна к побегу. Да. Это, пожалуй, сложнее всего искоренить в девочках. Я бы посоветовала отложить вашу свадьбу хотя бы года на два.

— Что вы с ней делаете сейчас?

— Вам, мужчинам, не нужно этого знать. Поверьте, методика проверена и абсолютно безопасна для женщины. У Жанны идеальное здоровье и хорошая фертильность. В этой части вам повезло. Бёдра только слегка узковаты, но, думаю, вы это уже заметили. Так что, оформляем отсрочку регистрации брака?

— Нет! — не сдержался и повысил голос.

Она тоже женщина, но говорит про мою невесту, как про что-то неодушевлённое. Если за одну ночь весёлая девчонка с искренней улыбкой превратилась в грустную тень, то во что они её превратят за три месяца? А за два года? Это даже не тюрьма — хуже. Они здесь пытаются молодых девчонок.

— Почему моя невеста оказалась здесь? Вы так и не ответили на мой вопрос.

— В наше учреждение попадают все девушки по достижении совершеннолетия, — абсолютно спокойно ответила женщина с усами. — Мы готовим их к жизни с мужчиной. Учим заботиться о муже и детях, быть покладистой и хозяйственной. В школах, разумеется, уделяют много внимания нравственному воспитанию девочек, но сами понимаете — семья может всё портить. Если на уроках её бьют по рукам, а дома сдувают пылинки, получают такие, как ваша Жанна. Может, всё-таки, отложите свадьбу? Я вам настоятельно рекомендую.

— Спасибо за рекомендации, но нет. Я могу её увидеть?

— Только под моим надзором и на пять минут, — женщина тяжело вздохнула и с трудом встала со своего стула. — Идите за мной. Да, попросите застройщика поставить решётки на окна её спальни, и очень советую приковывать Жанну наручниками хотя бы на ночь. Вы даже не представляете, каких трудов иногда стоит отловить сбежавшую жену. Ничего не говорите. Раз вы отказываетесь переносить свадьбу, я уже сегодня передам информацию в компетентные органы — они помогут вам организовать безопасное жильё для Жанночки.

Перед тем, как выйти из кабинета мне завязали глаза и вставили беруши в уши. Но, несмотря на эти предосторожности, я смог услышать стон и крики. Да что они творят с вымирающими особями и, главное, зачем? Моя школа была совершенно обычной, воспитывали исключительно тех, кто проявлял склонность к излишней агрессии и криминальные наклонности. Остальные просто учились. А девочек, оказывается, с раннего детства приучают к послушанию? Моё восприятие мира изменилось. Раньше я считал их королевами, перед которыми преклоняются, а сейчас... Их положение хуже, чем у мужчин. Причём настолько, что в голове не укладывается. А ведь я и десятой части их жизни не знаю.

— Пять минут! И не секундой больше, — женщина толкнула меня в дверной проём и сняла повязку с глаз.

Я увидел Жанну, но с трудом узнал её. Синие круги под глазами, пятна крови на простынях, серый цвет лица. Она точно здорова? До свадьбы ещё больше месяца.

— Придумаю, как вызволить тебя отсюда, — прошептал я.

Она замотала головой. Начала что-то бормотать. Чёрт! У меня в ушах затычки. Вытащил их и бросил на пол.

— ... казнят обоих, — начало её фразы я не расслышал. — Я справлюсь, Дима. Как же мне повезло с тобой. Смотри, — она полезла под кровать. — Здесь я зачёркиваю дни до

нашей свадьбы.

Узкая жёсткая койка с тонким матрасом, маленькое окошко под потолком и тумбочка, на которой стояла нетронутая тарелка с варёной грудкой и брокколи. Жанна похудела с тех пор, как мы виделись в последний раз.

— Ты должен быть осторожен. Очень. Пожалуйста, не глупи. Если с тобой что-то случится, меня...

— Свидание окончено, — мне снова завязали глаза и заткнули уши. — На выход.

— Но пять минут ещё не прошли, — попробовал протестовать.

— По моим часам прошли, — возразил охранник, доказывать ему что-то не имеет смысла.

Теперь в качестве сопровождающего выступал мужчина. Сам факт их присутствия в тюрьме для женщин удивил меня ещё во время первого свидания с Жанной. Правительство делает всё, чтобы пресечь любые контакты представителей разных полов за пределами одной семьи, какого чёрта они ставят в охранники молодых девчонок мужиков? Да, здесь везде установлены камеры. Но любая техника может ломаться... Даже думать не хочу, что эти животные делают с девушками по ночам. Артём, куда же ты опять пропал? Мне сейчас так нужна твоя поддержка.

Друг будто бы услышал мои мольбы и, как обычно, появился сам. Просто позвонил мне на мобильный с незнакомого номера:

— Как идёт подготовка к свадьбе? Меня не приглашай, — он был в отличном расположении духа.

— Ты не отвечал на мои звонки.

— Потому что тебе нужно было удалить мой номер. Никто не должен знать, что мы общаемся.

— Хочу увидеть тебя. Сегодня. Ты в Москве?

— Я за границей. Не гони лошадей, Митяй. Я вернусь, когда придёт время. Чао.

— Постой. Зачем ты позвонил?

— Просто хотел удостовериться, что ты в порядке. Мы ещё увидимся, Дима. Обязательно. Наберись терпения.

— Жанну поместили в какое-то странное место, — быстро затараторил я, боясь, что Артём бросит трубку. — Её там мучают, я точно знаю. Скажи, чем я могу ей помочь?

— Ничем, Мить. Так и знал, что ты не сможешь остаться равнодушным, — в его голосе прозвучало удовлетворение, он явно ждал от меня подобного вопроса.

— Конечно. Как можно спокойно смотреть на страдание молодой девчонки? — попробовал скрыть эмоции.

— А, не бери в голову. Стандартная процедура. Бабам не нравится рожать, растить детей, жить с одним мужчиной до гробовой доски. Особенно когда вокруг тысячи неудовлетворённых малолеток, согласных на всё лишь за один их томный взгляд. Сам подумай, оставь президент бабам свободу выбора, как бы они поступили? Правильно. Абортировались бы как раньше направо и налево, меняли бы любовников как перчатки, а мужей законных из дома гнали, ради своей мифической свободы. Ты историю в школе не учил что ли?

— Учил. Только тогда мужчин и женщин было примерно одинаково.

— Вот именно! Сейчас бабы бы совсем оборзели, дай им волю. Не парься. Ты будешь хорошим мужем и отцом, а твоя жена — отличной матерью для моих детей. И не бойся, она тебе не станет изменять. Им всем обрезание делают. Пока-пока.

— Пока, — ответил в пустоту, потому что друг прервал разговор.

Нельзя вот так поступать с живым человеком. Особенно юным и прекрасным. Я больше не вождею женщин так, как раньше. Ни разу мой член не встал на мою невесту, хоть она и прехорошенькая, но это не значит, что я перестал ими восхищаться. Плавные линии тела, широко распахнутые глаза, задумчивый взгляд и трепет в груди. Они прекрасны, но беззащитны и государство взяло на себя обязанность их защищать. Придумало лотереи, выставляет нереальные требования к жилью для будущей семьи и... практикует женское обрезание? Это же варварство какое-то. Артём, вероятно, ошибся.

Стоп! Те охранники с маньячным видом. Я забил в поиск «химическая кастрация» и почти сразу нашёл объявление о поиске сотрудников для работы в полиции и воспитательных учреждениях. Вот как они их называют. Да, после этой процедуры мужчина вряд ли станет помогать своей подопечной, но... Я продолжил поиск, добавив слово «принудительная» и был ошеломлён. Почему я не заинтересовался этим вопросом раньше?

Женщина может пожаловаться на мужа только в одном случае — он не занимается с ней сексом больше месяца. После получения такой жалобы, как и в случае отсутствия зачатия ребёнка при отсутствии диагноза у жены, мужчину отправляют на медицинское освидетельствование. Если выявят проблемы с потенцией при отсутствии побочных заболеваний, бедолагу отправляют в психиатрическую лечебницу, признав его опасным для общества. Якобы он может иметь сексуальные девиации, не совместимые с общепринятыми нормами. Нет физиологического диагноза — есть психиатрический. Таковы правила. Психиатрия — не точная наука, так что точный диагноз не требуется. Болен, значит болен. Проблему возможной опасности из-за предполагаемых сексуальных отклонений можно было бы решить химической кастрацией, вот только доступна она далеко не всем.

Время до свадьбы пронеслось на удивление быстро. Я не стал сидеть дома, наоборот, решил участвовать во всех светских тусовках, приглашения на которые мне присылали каждый день. Знакомиться с людьми, обзаводиться связями, учиться быть приятным. Мне надоело быть протее Арёма.

О Жанне я не вспоминал до наступления часа X. Я вообще старался ни о чём не думать. Бедная девочка сама просила не спасать её. У меня нет права навязывать ей своё участие. Но если честно, я просто испугался. Кто мог знать, что особая охрана особей женского пола совсем не похожа на обычную опеку? Армия, полиция, кастрированные охранники... Что я один могу сделать против их всех? Ничего. Мои новые знакомства и гроша ломанного не стоят, а Артём не видит ничего плохого в воспитании, как они это называют, будущих жён.

Сообщение о новом письму из Министерства брака прервало мои размышления. Что ещё? Я выполнил все их условия. В этот раз мне прислали видеофайл, смотреть который было очень стыдно.

Двухчасовое видео являлось, по сути, инструкцией для молодожёнов. Вернее, молодожёна. В первой части рассказывалось об обязанностях молодой жены. Вот только обращался диктор не к невесте, а к жениху. Подготовка, уборка, глажка и секс по требованию. Диктор так и сказал: «вы не должны спрашивать её согласия, для подавления сопротивления используйте физическую силу, во время критических дней рекомендуем отказаться от традиционного секса в пользу иных, предназначенных для получения удовольствия, органов. Всё это унылое выступление сопровождалось демонстрацией нелепых детских картинок. Я уже был готов выключить ноутбук и пойти в душ, так и не досмотрев видео до конца, но тут началась вторая часть инструкции...

Больше часа мне рассказывали о том, как правильно наказывать жену. Морить голодом они называли это диетой, предлагалось без повода. Правда с оговоркой — во время беременности и кормления грудью потомства не увлекаться. Да и в привычное время не забывать выдавать минимум для нормальной жизнедеятельности, следить за состоянием зубов, волос и ногтей. Сажать на цепь рекомендовалось во время ПМС и не дольше, чем на неделю, не забывая о ежедневном выгуле, если особь беременна. Бить больно, но аккуратно, избегая жизненно-важных органов.

В конце просмотра я был в шоке. Сложилось впечатление, что диктор — какой-то садист-дрессировщик, обучающий дилетантов воспитанию дикого животного. Но самое удивительное ждало меня после завершения инструкции. В кадре, вместо мужчины-диктора, появилась молодая девушка в платке и длинном платье. Она улыбалась, но глаза были очень печальными.

— Для многих из вас некоторые методы воспитания таких как я могут показаться через чур жестокими. Поверьте, это не так. Вы привыкли с детства идеализировать представительниц моего пола и многого о нас не знаете. Мы можем казаться слабыми и беззащитными, любящими и заботливыми, добрыми и умными, но в глубине души каждая из нас живёт примитивными инстинктами — секс и еда. Как сучки во время течки мы готовы дать любому, не заботясь о своей репутации и семье, — произнося эту фразу, она опустила глаза и стала говорить тише. — Свои инстинкты мы не контролируем. Если вы хотите иметь счастливую жену и мать — не бойтесь быть жестоким. Вашей жене нужна жёсткая рука, забота и опора. Спасибо.

На этом видео окончательно закончилось. Да, Артём был прав, когда говорил о неприемлемом поведении мужей в браке. Даже если просто следовать инструкции, волею-неволею превратишься в деспота и домашнего тирана. Дела... Зачем властям это нужно? Они так сильно пекутся о сохранении семейных ценностей, что готовы не просто закрывать глаза на насилие в семьях, но и поощрять его? Регистрация моего брака уже завтра, а мне даже посоветоваться не с кем.

— Вы готовы? Я ваш шафер, — незнакомый мужчина позвонил в дверь моей квартиры ровно в семь утра.

Неоднократно я пытался выяснить, что мне нужно делать во время подготовки к свадьбе. Писал письма, звонил в Министерство, но на все свои вопросы получал один единственный ответ: «Не волнуйтесь, со своей стороны вы все условия выполнили.

Остальное — наша забота». Итого — у меня нет костюма, я не знаю, кто приглашён на свадьбу, какая еда будет подаваться в ресторане, какая музыка звучать. Я вообще ничего не знаю, кроме того, что сегодня стану женатым человеком.

— Я вас впервые вижу.

— Не волнуйтесь. Это моя профессия. Машина ждёт нас у двери подъезда. У вас, — он посмотрел на часы. — Пять минут на сборы. Пробки, знаете ли.

Мужик хоть и в смокинге, но очень неприятный. Волосы зачёсаны назад, в нелепой попытке скрыть лысину, маникюр на руках и, мне кажется, он слегка накрашен.

— Не нужно пять минут. Я готов.

— Ну готов, так готов. Поехали.

Он отвёз меня на массаж, потом в салон красоты, подобрал костюм по размеру и, скептически осмотрев, довольно произнёс:

— Красавчик. Жаль, тебе мальчишник не положен. Я бы с удовольствием выпил с тобой пивка в сауне.

— Почему мне не положен мальчишник? — о последнем я даже не слышал ни разу.

— Потому что ты не выиграл в лотерею, глупыш. Тебя не нужно проверять.

— Проверять? Что происходит с теми, кто не проходит проверку?

— Ты про тех, кто напивается и ведёт себя непотребно? Их выигрыш аннулируется, только и всего.

Да уж. Отличная лотерея. Ждёшь годами свой приз, потом выкладываешь за него очень приличную сумму денег, а в итоге тебя напавают в сауне и всячески провоцируют, чтобы в последний момент лишить выигрыша.

— Это же разводка какая-то, — буркнул я.

— Ага. Знаешь, как смешно наблюдать за их реакцией поутру? Не забывай — ты подписывал соглашение о неразглашении. Информация о мальчишниках тоже является закрытой.

— Помню. Дальше что?

Поскорей бы сегодняшней день закончился. Если этот лысый дядька не перестанет болтать, я не выдержу и откажусь от брака. Моё сочувствие Жанне уже почти закончилось. Ещё немного и я решу, что хорошего мужа из меня не выйдет. Впрочем, я и без того это знаю. Но, боюсь, без меня ей будет ещё хуже. Да и Артём, который столько всего сделал для меня, явно будет сильно разочарован. Не могу его подставить.

— Всё закончено. Поехали забирать невесту и знакомиться с гостями.

Жанна ждала меня в доме своего отца. Белоснежное платье идеально подчёркивало её фигуру, волосы уложены в скромный пучок, в руках букет белых лилий. Никакого выкупа невесты, шампанского и поздравлений со стороны родственников и друзей, как презентовалось в учебниках истории. В доме, помимо самой Жанны, были только её родители, которые с жалостью смотрели на свою дочь.

— Будь ей хорошим мужем, — коротко сказал отец, когда я протянул ему руку и пошёл на второй этаж.

— Они не поедут с нами? — спросил я шафера.

— Нет, конечно. Родители невесты не имеют права приближаться к своей дочери ближе, чем на тридцать метров. У них есть датчик её передвижения, не волнуйся. Тёща тебя не побеспокоит, — напوماженный мужик снова усмехнулся.

— Раньше не было таких правил, — как же хочется врезать по его лощёной морде.

— И очень зря! Именно родители чаще всего помогают жёнам сбежать из семьи. Возрадуйтесь, мужчина. Наше драгоценное Правительство делает вашу жизнь всё более комфортной. Эх, иногда я начинаю жалеть, что отказался от участия в брачной лотерее.

Всё время, что я находился в её доме, Жанна просто стояла в какой-то прострации и никак не реагировала на мои вопросы. Пришлось снова обратиться к шаферу, который так и не удосужился назвать мне своё имя:

— Что с ней?

— Успокоительное приняла, чтобы перед гостями тебя не опозорить. Завтра будет поразговорчивее.

— И кто же удостоится чести побывать на нашей свадьбе?

— О, это великие люди! Ты никого из них не знаешь. Пока. Со временем познакомитесь. Платиновый список! — с восторгом произнёс шафер.

— Какой список? — я сначала подумал, что мне послышалось.

— Платиновый! Ты, разве, не знаешь? Политики, бизнесмены с жёнами, публичные личности. В общем, лучшие люди страны. Не понимаю, почему именно тебя удостоили такой чести?

Он хитро прищурился, ожидая, что я раскрою ему свою тайну. Но я проигнорировал его вопрос, взял свою невесту за руку и отвёл в лимузин, который стоял во дворе дома её родителей.

Шафер не обманул — такое количество напыщенных мужчин в одном месте я ещё не видел. Они сухо поздравляли меня и тут же забывали о моём существовании. Никогда не чувствовал себя настолько не в своей тарелке. Хотелось просто сбежать отсюда. Забрать Жанну и спрятаться где-нибудь в глуши.

— Смотрю, тебе не нравятся твои новые друзья, — Артём положил мне руку на плечо.

— Какие друзья? Я их не знаю, — резко повернулся к нему лицом.

— Теперь знаешь. Платиновый список обновляется раз в год, и... я включил тебя в него. Не благодари.

Кто бы сомневался, что за попадание в некий элитный закрытый клуб мне нужно благодарить лучшего друга и будущего отца моего ребёнка. Осознать до конца цену помощи Артёма у меня пока не получается.

— Что происходит? Я будто бы попал в другой мир. Мою невесту пытали три месяца, потом накачали наркотиками и хотят, чтобы я бил её, представляешь? — оттащил другав угол и прижал к стене.

— Так поступают почти все мужья, к сожалению. Но ты же не такой, верно? Они не могут заставить тебя поднимать руку на жену, они могут только мотивировать мужчин

делать это. О, тебе пора на сцену.

Регистрация брака началась ровно в полночь. Жанну заставили повторить длинную клятву, общая суть которой сводилась к обещанию быть верной и послушной женой. У меня же просто уточнили, готов ли я взять ответственность за эту женщину и будущее потомство. Поучив моё согласие, мужчина во фраке, проводивший церемонию, надел на Жанну браслет и вручил мне пульт управления.

— Теперь это ваша собственность. Относитесь к ней бережно и не забывайте исполнять свой супружеский долг.

Артём подошёл одним из последних, чтобы поздравить меня и вручить свой подарок.

— Да, правила очень изменились, — задумчиво произнёс он, когда мы отошли в сторону и закурили. — Они превращают нас в животных, ты заметил?

— Нас? И мужчин тоже?

— Ну конечно! Разве может человек без причины причинить вред слабому? Доминирование хорошо в постели, и то не всегда. А в обычной жизни оно не приемлемо.

— Не волнуйся. Я не причиню ей вред.

— Ты помнишь наши договорённости? Не подведи меня.

— Дмитрий, вам пора приступить к выполнению своих обязанностей, — шафер прервал наш разговор.

Я думал, что он говорит о танце с невестой, тосте в её честь или другой невинной формальности. Но нет. Стоило мне подняться на сцену, как стена начала подниматься. За ней была скрыта большая кровать с балдахином, отделённая от зала ресторана стеклянной перегородкой.

— Что это за хрень?

— Нужно было внимательнее читать присылаемые вам от лица Министерства инструкции. Вы же в Платиновом списке, ваши дети получают место в нём по праву рождения, но только в том случае, если вы состоятельны как мужчина, а ваша жена — невинна.

— Не понимаю. Вы хотите сказать, что я должен заняться сексом со своей женой на глазах у всех этих людей? Серьёзно?

— Сколько вам лет, молодой человек? Не отвечайте, я знаю. В вашем возрасте член должен вставать от одного дуновения женских духов. Не волнуйтесь. Вы не будете никого видеть во время исполнения супружеского долга — со стороны кровати перегородка зеркальная.

Легко сказать! Вот нельзя было меня провести каким-нибудь потайными коридорами сразу к лежанке, чтобы я не знал о том, что на нас с Жанной смотрят. А ей-то каково будет? Надеюсь, то успокоительное, что ей вкололи, всё ещё действует, и она ничего толком не поймёт и не почувствует. Я обернулся. Попытался найти Артёма в толпе с любопытством наблюдающих за мной глаз, но он куда-то испарился. Как не вовремя! Его поддержка мне сейчас очень нужна.

— Что будет, если у меня не получится?

— Вас признают негодным, и вашу жену будут тестировать все желающие. Вы в платиновом списке, понимаете? Попасть в него очень сложно. Вам повезло, — сказал он достаточно громко, а продолжил едва слышно. — Пожалей девчонку, трахни её так, чтобы никто не усомнился в том, что первая брачная ночь состоялась. Они будут проверять.

Спасибо, Артём, за подарок. Член, как назло, совсем не слушается. Висит обмякший и

даже не шевелится. Что делать-то? Я зашёл за ширму. Вскоре ко мне привели Жанну и уложили её в кровать. Она уже была полностью обнажена. Хорошенькая. Грудь большая, попа упругая. Хоть статую лепи. Но не стоит у меня на неё. Может быть, встало бы, будь мы одни, но на глазах у сотни мужиков...

«Давай, Митяй, соберись. Разбуди в себе мужика. Когда-то же ты дрович на пятидесятилетнюю женщину, которая задрала юбку, залезая в автобус».

Но уговоры не помогали. Мой детородный орган отказывался подчиняться. Я в отчаянии посмотрел в зеркало, за которым скрывались гости и... увидел классную девчонку, танцующую стриптиз. Она похотливо облизывала губы. Крутила передо мной попкой. А потом к ней подошёл абсолютно голый Артём и поцеловал в засос. Его член встал одновременно с моим. Я не стал терять время и тут же кинулся к Жанне.

— Прости меня, девочка, — прошептал я и проткнул её одним резким движением, не сводя взгляда с Артёма, который уже активно трахал девчонку.

Жанна слегка пискнула и напряглась. Я чувствую, ей больно. Стараюсь быть аккуратным, но никак не могу соблюсти баланс. Мой мозг, мой член, вся моя сущность не могут разобраться в происходящем — я не хочу женщину, я хочу присоединиться к тем двум, что занимаются любовью на моих глазах. Зрители в зале их не видят, но они видят меня и Жанну.

— Поставь ей раком, повернись к ним спиной, — крикнул Артём. — Ты нас всех погубишь. Ты должен кончить.

Точно! Они будут проверять, так сказал шафер. Думал, самое сложное — это поднять член, но нет. Вызвать эрекцию легко, но как добиться оргазма, если за каждой твоей фрикцией следят? Да и Жанна уже совсем измучена. Я закатил глаза, пытаюсь забыться. Нужно было выпить побольше, но тогда, возможно, мой член вообще не встал. Вижу выражение боли на лице жены и так хочу закончить эту обоюдную пытку как можно быстрее, но не могу. Забиваю на осторожность и трахаю настолько динамично, насколько могу.

«Терпи, малышка, терпи. У меня получится» — бормочу себе под нос.

Артём уже кончил. Размазал свою сперму по лицу девчонки, а у меня всё никак не получается. Вот бы они могли подойти к нам и присоединиться к первой брачной ночи нашей молодой семьи. При мыслях о девчонке и о сексе вчетвером, возбуждение начало нарастать.

Только сейчас я заметил, насколько у него большой... Медленно. Очень медленно член Артёма начал погружаться внутрь девчонки. Казалось, будто бы замедленная съёмка не позволяет мне увидеть всё действие сразу. Сначала головка, потом ещё сантиметр и ещё. Я замедлился вместе с ними, забыв о зрителях и о своей невесте. Двигаюсь им в такт. Артём ускорился. Иногда достаёт свой член полностью, чтобы я ещё раз увидел проникновение. Кончил, начав разливать сперму на поясище девчонки, но тут же вернул член на место. Достал ещё раз, демонстрируя мне результат.

Я не сдержался. «Прости, меня Жанна, прости. Сегодня ты лишишься девственности не только спереди, но и сзади. Иначе я не справлюсь». Сменив локацию, дело пошло лучше. Чувствую, как оргазм всё ближе. Главное — не затупить и вовремя вернуть член туда, где он должен быть. Сейчас... Первые капли прыснули ей в попу, но основная часть ушла по назначению. Девочка почти без сознания, надеюсь, мало что вспомнит из сегодняшней ночи, ведь мне с ней ещё жить...

Раздались оглушительные аплодисменты. Ширма приподнялась. Заиграла музыка.

— Где у вас душ? — спросил я шафера, который сразу поднялся на сцену и объявил, что теперь брак считается заключённым, осталось только дождаться вердикта врачей.

— Дуй за кулисы, стесняша, — презрительно фыркнул мне в ответ.

Не знаю, что они сделали с Жанной. Не знаю, зачем они это сделали со мной. Не знаю, куда делся Артём и его... любовница? Как он в наше время, да ещё и после стерилизации умудрился её найти? Вероятно, не всех мужских начал его лишили. Плевать! Ничего не знаю и знать не хочу! Это не свадьба, а позор какой-то! Сам не понимаю, как справился. Адреналин в крови просто зашкаливает. Даже не представляю, как чувствует себя моя жена. Зачем я вообще согласился жениться на ней? Достаточно было отказаться, согласиться на кастрацию и всё — живи свободной жизнью, чувак. Развлекайся, с кем хочешь, получай удовольствие и никому не причиняй вреда. Чувствую себя насильником.

— Ты как? — Артём ждал меня при выходе из душа. — Очень сложно было? Ты — молодец. Я бы не справился никогда.

— Я изнасиловал её, ты понимаешь? Не знаю, зачем я согласился... Ты во всём виноват!

— Ты спас, её малыш. Вы в платиновом списке, здесь всё иначе. Вы — элита. Верхушка общества. Крёстным нашего первенца будет сам Президент.

— Элита? Странная у нас элита, если так. Дефлорация при зрителях... Такое и в Средневековье не практиковали.

— Что делать, мальчик мой. Женщин осталось мало. Богатые мужчины хотят иметь не только свою старую жену, но и юную наложницу. Они так обходят запрет на внебрачные связи. Ты уже в списке и твоя жена тоже. Если бы сегодня ты облажался, они бы подобрали тебе другую невесту и повторили ритуал. После третьей неудачной попытки исключили бы из клуба. А вот Жанна... Ей бы пришлось не сладко. Она стала бы общей женой, чья единственная миссия — удовлетворять потребности озабоченных стариков и рожать им детей. Таковы реалии жизни элиты. Но ты не обязан пользоваться этой возможностью, если не захочешь. Главное, чтобы секс с женой был регулярным.

— Спасибо, — не знал, что ему ответить.

Спрашивать о том, где Артём добыл девушку для секса, не решился.

— Не за что. Я знал, что без моей помощи ты не справишься, ведь мы с тобой в одной лодке, верно? — он похлопал меня по плечу и испарился.

А я отправился искать свою жену. Что мне с ней делать дальше? Как смотреть ей в глаза? Какие слова сказать?

Я думал, она будет очень обижена. Расстроена и унижена тем, что произошло. Но нет. Наш дом, который до этого момента я видел лишь на фотографиях, встретил меня приятной музыкой и ароматом цветов.

— Спасибо, — она бросилась мне на шею, но тут же скривилась от боли. — Прости, немного не пришла в себя.

— За что «спасибо»? — я мягко оттолкнул её, не хочу прикасаться к её телу, пусть и прикрытому пижамой.

— За Платиновый список, разумеется. Когда я узнала, что ты станешь моим мужем, я уже была счастлива. Потом эти три месяца ада... Не хочу их вспоминать. И вот, сюрприз!

— Как ты себя чувствуешь? — боюсь посмотреть на неё.

— Нормально, — она покраснела. — Меня три месяца готовили к соитию. Думала, будет хуже. Милый, пожалуйста, не думай обо мне — думай о себе. Хочешь, я приготовлю тебе что-нибудь? Ресторанная еда отвратительна и я не заметила, чтобы ты её ел.

Ничего не понимаю. Совсем недавно, она была под действием успокоительного, истекала кровью и вообще не имела никакой связи с реальностью, а сейчас говорит так, будто бы во время свадьбы и нашей очень странной первой брачной ночи была в полном порядке.

— Жанна, с тобой всё хорошо? — я таки рискнул взять её за руку.

— Разумеется! Я уже собрала наши чемоданы. Ты помнишь, что у нас вылет завтра днём? Осталось всего шесть часов. Давай, я уложу тебя спать, любимый? Могу сделать массаж, я умею.

Она ведёт себя как робот. Ей было больно, я видел. Чувствовал, как сжимается её влагалище, пытаюсь изгнать источник страданий. Даже боялся застрять внутри неё. А сейчас? Жанна выглядит счастливой...

— Ты будешь скучать по своим родителям? Мне сказали, вы больше не сможете встретиться.

— Зачем мне родители, если у меня есть ты? Ты — смысл моей жизни. Надеюсь, скоро подарю тебе сыновей и дочь. Хотя бы одну. Девочки очень ценны, ты знаешь? Если у меня получится, мы окажемся на самом вершине иерархии! Я так счастлива, милый, ты даже не представляешь! — она прильнула к моему плечу, но, почувствовав отторжение, тут же отстранилась. — Тебе нужно поспать перед утомительным перелётом. Люблю тебя.

Сбежала. Она очень странная. Не могу понять — может, она действительно рада оказаться в высшем свете или просто притворяется весьма умело? Или не умело... Я же не разбираюсь в женщинах и во лжи. Но, как бы то ни было, завтра нас ждёт трёхнедельный отпуск в пансионате для новобрачных. За это время, надеюсь, у меня получится узнать свою жену и привыкнуть к своему новому статусу женатого мужчины из Платинового списка. Хоть бы Артём присоединился к нам. Позволил мне спустить пар, выговориться и рассказал побольше о той жопе, в которую загнал меня.

Но Артём не приехал. Пансионат для новобрачных — это пансионат для новобрачных. Здесь только парочки, недавно зарегистрировавшие свои отношения. Я как будто попал в тупой сериал, где все ходят в обнимку, смотрят друг на друга влюблёнными счастливыми

глазами и не имеют никаких проблем в жизни. Нас поселили в номере «люкс» с видом на море. Платиновый список же.

Жанна первые пять дней казалась такой же куклой, как и все остальные новобрачные — радовалась как ребёнок каждой мелочи, заглядывала мне в глаза и ловила каждое моё слово. Но на пятый день она начала нервничать по вечерам. Всё настойчивее пыталась приставать ко мне. Облизывала мой член. Рыдала в подушку, услышав отказ. В конце концов, я не выдержал и прямо заявил ей:

— Ты же понимаешь, наш брак — не настоящий. Мы же даже не знакомы толком! Не знаю, что они тебе наговорили, но давай не будем усложнять друг другу жизнь.

Впервые в её глазах промелькнул чертёнок. Живая эмоция, выражающая раздражение и злость. На меня. И капельку ненависти тоже.

— Ударь меня, а? Сломай пару рёбер хотя бы. Я уже давно догадалась, что с тобой не всё в порядке.

— Я не собираюсь тебя бить, — растерялся по полной. — Ты видела?

— Ну разумеется. Я же не слепая, равнодушно пожалала плечиками.

— Ты же была под действием успокоительного и...

— Эта фигня на меня не действует. Они так пекутся о будущих поколениях, что очень боятся использовать сильнодействующие препараты. Вдруг, я бы забеременела в первую же ночь?

Получается, она всё чувствовала и всё осознавала? Всё! Боль от первого проникновения, мой член внутри себя, который никак не хотел выплюнуть сперму и даже тот эксперимент, который позволил мне довести акт до конца...

— Почему ты не сказала, что с тобой всё в порядке? Я волновался за тебя. Мне жаль, что тебе пришлось всё это пережить.

— А мне жаль тебя. Дим, ты понимаешь, что нам придётся заниматься сексом не реже чем раз в неделю? По крайней мере, до тех пор, пока я не забеременею? Они будут проверять меня. Я обязана приходить на осмотр и демонстрировать твою мужскую состоятельность.

— Я не могу. Прости.

— Не можешь? А, думаешь, я могу? Да ты хоть понимаешь, что с нами будет? Что со мной уже произошло до брака? Я пережила все муки ада, чтобы получить право стать твоей женой и жить с тобой. Можешь делать всё, что хочешь, но не смей лишать меня этого браслета!

— Он так важен для тебя?

— Он всего лишь символ и защита. Три месяца меня пытали, понимаешь? Я могла отказаться в любой момент при одном условии, но не стала подставлять тебя. Теперь ты не подставляй меня.

— Я не подставлял тебя, я пытался тебе помочь.

— Тот ещё помогатор! — огрызнулась она. — Ты хоть понимаешь, куда мы попали? Какие возможности у нас появились? Я понимаю. Именно поэтому позволила себя пытаться. К невестам из Платинового списка особое отношение — они могут подписать контракт. Ты думаешь, они три месяца воспитывали идеальную жену для тебя? Наивный мальчик. Учреждение действительно работает над послушанием девушек, но к Платиновому списку отношение иное. Ты кто такой, чтобы попасть в него? Верно, никто. Так как ты попал? Протекция? Безусловно. Иначе и быть не могло. Как думаешь, зачем им такие, как ты? Писака, причём весьма бездарный. У них достаточно собственных детей, чтобы не нуждаться в пополнении. Давай, думай. Догадался, да?

Я промолчал, а она продолжила говорить.

— Им нужны наложницы. Жёны несостоявшихся мужей. Члены Правительства запретили свободные связи, но не подумали, что им самим захочется иметь любовниц. Менять Конституцию слишком хлопотно и сложно — проще аккуратно обойти закон. И они нашли способ. Новичок-неудачник, случайно попавший в платиновый список, выбывает. Но свою законную супругу оставляет для воспроизводства качественного населения. Ну а что? Не пропадать же добру? Со временем почти логичная, по крайней мере, на первый взгляд норма превратилась в абсурд. Тебе говорили, что у меня нет клитора? Я могла его сохранить, если бы пообещала подставить тебя под исключение из Платинового списка. Так что секс с тобой приносит мне только боль. Это моё решение и только моё, не вини себя, но и не подставляй меня. Я рассказываю тебе всё это, чтобы ты понял — мы на равных. Сходи на пляж завтра, посмотри на девчонок в купальниках и трахни меня. Не бойся сделать мне больно и не старайся сделать приятно. Это невозможно. Просто избавь меня от необходимости спать со стариками и рожать от них детей.

В ту ночь я спал в другой комнате. Мой мозг просто взрывался. Маленькая хрупкая девочка, которая спит за стенкой, теперь моя жена. Я причинил ей боль. Из-за меня ей пришлось пережить позор и унижение, занимаясь сексом при толпе свидетелей, а она благодарит меня за всё. Ещё и смотрит такими глазами, что хочется сбежать. Я даже прикоснуться к ней боюсь, не то, чтобы раздеть и трахнуть. Сам до сих пор не понимаю, как у меня получилось. Наверное, стресс, адреналин и помощь Артёма помогли.

— Доброе утро, милый, — я подскочил с кровати, услышав тоненький голосок своей жены.

— Что ты здесь делаешь? — прикрыл наготу простынёй.

— Принесла тебе завтрак. Почему ты ушёл от меня вчера? Я не храплю и почти не ворочаюсь во сне. Прости, — она заметила моё недоумение. — Не моё право выговаривать тебе.

— Жанна, девочка, послушай меня. Не знаю, почему ты так странно себя ведёшь, но ты не должна готовить мне еду. И извиняться тоже не должна.

— Я сделала что-то не так? — её лицо искривила гримаса ужаса. — Забыла погладить твои рубашки. Ой, даже чемодан не разобрала.

— Не нужно трогать мои вещи, ладно? Гладить я сам умею.

Она вышла из комнаты, опустив голову и чуть не плача. Я смотрел ей вслед с тягостным ощущением того, что чем-то обидел невинное дитя. Будто бы конфету у ребёнка отобрал. Надо бы поговорить с ней.

Вчера Жанна была достаточно дерзкой. Её слова даже задели меня немного, а сегодня опять ведёт себя, как запуганный зверёк. Я посмотрел на поднос, который она принесла, и тут же накинулся на еду — во сколько же она встала, чтобы успеть так много всего наготовить? Как в ресторане, честное слово. Нужно как-то отблагодарить её.

Я открыл ноутбук, нашёл в поисковике адрес ювелирного магазина и попробовал сделать заказ. Но при попытке оплаты система выдала ошибку, на экране высветилось красное мигающее окно, сообщающее мне о то, что дарить подарки жёнам запрещено до дня рождения первого ребёнка. Вот уроды! Мне её и с днём рождения, получается, нельзя поздравить? Не успел я закрыть ноутбук и вернуться к своему завтраку, как раздался звонок телефона.

— Здравствуйте, — бодрый голос пожилой женщины поприветствовал меня. — Вы только что пытались купить подарок вашей молодой супруге? Вам нужна наша помощь. Юные девушки очень лицемерные создания и легко манипулируют наивными мужьями. Вы не должны такого допускать. Наш семейный консультант будет у вас через час. Хорошего дня.

Она закончила разговор до того, как я успел ответить. Какой ещё семейный консультант? Опять мне будут промывать мозги, пытаясь разбудить животные инстинкты. Артём был прав. Власти пытаются превратить нас в зверей.

Я сходил в душ, оделся и только потом спустился вниз. Жанна стояла кверху попой, сосредоточенно намывала и без того идеально чистый пол и что-то напевала себе под нос. Она выглядела довольной и вполне счастливой.

— Ты как? — мне сложно поверить, что после так называемой «первой брачной ночи» она окончательно пришла в себя.

— Прекрасно. Может быть, утреннее пиво или утренний секс? Я готова, — она распахнула шёлковый халатик, демонстрируя высокую грудь и тонкую талию.

— Нет, — я на автомате отшатнулся от неё. — Как думаешь, в нашем номере есть камеры?

— Разумеется. Для безопасности.

— Я имею в виду камеры не на территории, а в частных зонах. Гостиная, спальня, ну ты понимаешь?

— Зачем?

— Не знаю. Мне только что позвонила какая-то женщина и обещала прислать семейного консультанта. Он приедет через пятнадцать минут.

— Чёрт, — одними губами выругалась Жанна. — Так и знала, что ты накосячишь. Теперь наша семья под надзором. Неужели так сложно вести как мужик? Мои родители всю жизнь так прожили и очень счастливы. Никто и не догадывается, что папа с мамы пылинки сдувает за закрытой дверью.

— Какой ещё надзор?

— Физический. К нам будут приходить проверки каждую неделю в течение полугода. И всё из-за тебя! — она прикусила нижнюю губу, изменилась в лице и начала лепетать. — Прости милый. Мне так жаль. Хочешь, я почищу твои ботинки? Может быть, кофе на веранде? Или стриптиз в спальне?

Вот только стриптиза в её исполнении мне и не хватало, особенно перед приходом семейного консультанта.

— Не хочешь? Тогда ударь меня. Я же разбудила тебя утром, да и бекон немного пригорел. И про кофе забыла спросить — ты какой любишь? С сахаром? Без? Эспрессо? Капучино? Латте? Может быть, глянсе? Я видела мороженое в холодильнике, а его наполняли с учётом твоих пристрастий. Значит, ты любишь мороженое. Класть его в кофе?

— Жанна прекрати. Я не могу так больше.

— Можешь, милый, можешь. Иначе нам обоим будет худо.

Она схватила щётку и начала усердно тереть мои ботинки. Я стоял рядом. За этим занятием нас и застукал консультант, без стука зашедший в дом.

— Молодцы, чистая обувь важна в жизни любого мужчины, даже работающего на дому. Правда, Жанночка? — моя жена кивнула и продолжила натирать ботинки. — Во сколько ты проснулась сегодня?

— Четыре утра, — пискнула девчонка, не поднимая головы.

— Посмотри на меня. Ты помнишь свои обязанности?

— Да, — она отложила щётку и выпрямилась.

— Все желания. Даже самые сложные и унижительные. Ты принадлежишь своему мужу. Ты часть его. Девочки Жанны больше нет. Она умерла. Осталась только правая рука Дмитрия Островского, ты понимаешь мои слова? — он взял её за подбородок, пристально смотрел ей в глаза, складывалось такое впечатление, что консультант пытается загипнотизировать Жанну.

— Да, понимаю, — она ответила как робот, растягивая гласные.

— Хорошо, — он отпустил её. — Иди на кухню и приготовь праздничный ужин. У тебя сорок минут. Время пошло. А нам с вами, Дмитрий, нужно серьёзно поговорить.

Он вёл себя как дома, уверенно провёл меня в кабинет, брезгливо осмотрелся вокруг и произнёс:

— Пыль на подоконнике. Надо бы её выпороть.

— Слушайте, я не хочу пороть свою жену. И семейный консультант нам тоже не нужен. К тому же в отеле есть уборщики и неубранный подоконник явно их вина.

— Это не вам решать. Девяносто процентов семейных пар, несмотря на предварительную подготовку, нуждаются в помощи. Можете оставить уборщика без чаевых, но не забывайте наказывать жену. Её долг следить за чистотой. Садитесь.

Я упал в кресло и вяло возразил ему:

— Мы с Жанной не нуждаемся в помощи. У нас всё прекрасно.

— Конечно, прекрасно. Сейчас. Во время медового месяца. А что будет через год? Через два? Через пять? Вы замечаете, что используете местоимение «мы» говоря про себя и свою жену? Так и думал. Не понимаю, как эксперты допустили ваш брак. Генетика генетикой, но

психологически Жанна совершенно вам не подходит. Что ж, попробуем изменить ситуацию. Вас, Дмитрий, изменить.

— Вы о чём сейчас?

— О вашем медовом месяце. Он окончен. Вы переезжаете. Прямо сейчас. Собирайте вещи. До скорого свидания.

Консультант ушёл, а я со всей силы ударил кулаком по столу. Теперь они меня решили воспитывать? Прекрасно. Тоже будут пытаться, как Жанну, пока я не начну её бить? Что-то типа: «хочешь ужин — покалечь жену»? Зачем я вообще ввязался во всю эту авантюру? Но пути назад больше нет. Если девочка не обманывает меня, то в случае нашего расставания её ждёт незавидная судьба куртизанки, чья жизнь посвящена сексу с разными мужчинами и непрерывному рождению детей.

— Ну что, доволен? Не понимаю, неужели так сложно кончить в меня? У тебя проблемы с эрекцией?

— У меня проблемы с... Я не знаю. Тут слишком много камер. И мне скучно просто заниматься сексом.

— Знаю, знаю. Ты хочешь секс вчетвером? Например, с той симпатичной парочкой, которые чуть разнообразили нашу первую брачную ночь? У вас мужчин секс на стороне — это нормально.

Не нашёлся, что ей ответить. Рассказать о том, что для Артёма нам вместе с ней придётся сделать, я не решился. И не только из-за камер, которые, судя по дерзким высказываниям Жанны, звук не записывали.

В этот момент, мне показалось, что с Жанной мы могли бы быть счастливы вместе. Она настоящая. Её не успели сломать. И она действительно мне нравится. Очень. Но в то же время, она прекрасно знает правила и, вроде бы, хорошо ко мне относится. Вот только как заставить себя полюбить её в постели, не прибегая к извращениям...

— Ладно, не парься. Я бы конечно хотела остаться здесь, плавать в бассейне, пить коктейли, загорать. Но для тебя наш переезд спасение — в Школе никчёмных мужей секс запрещён. Мы вообще почти не будем видеться.

— Ты знаешь, куда нас везут?

— Не знаю, но догадываюсь. Ты любишь животных?

— Нет. К чему этот вопрос?

— Это место... Что-то типа лагеря выживания. Девушки очень боятся на перевоспитание попасть, а вот мужчинам там обычно нравится. Они попытаются разбудить твою мужественность. Сделать из тебя настоящего мужчину. Как думаешь, у них получится?

— Не говори загадками. Что это за место?

— Да я сама толком не знаю. Мы в детстве про него страшилки придумывали. Нам в школе рассказывали, что после окончания курса даже самые мягкие и нежные мужчины становятся жестокими и властными мужьями, способными позаботиться о своей семье. Как-то так.

— Как же я хочу, чтобы наш медовый месяц уже закончился.

Я скучал. Очень скучал по Артёму и своей обычной жизни. Как же хочется поговорить с ним, пожаловаться на организаторов свадьбы, мягко укорить за то, что он не предупредил меня об особенностях Платинового списка. А ещё спросить — что за девчонка была вместе с ним на моей свадьбе? Вероятно, одна из тех несчастных жён, муж которой не смог удержаться среди элиты.

Наблюдение за тем, как они занимаются любовью, возбудило меня, но и вызвало жгучую ревность. Не представляю Жанну в объятиях Артёма. Знаю, что друг хотел мне помочь, и я очень благодарен ему, но ничего поделать с собой не могу. Во сне я снова и снова вижу его с той девушкой. Не только в постели. За столиком ресторана, в сауне, на пляже... Они смеются, обнимаются, ласкают друг друга. Без них у меня не получается заняться сексом с женой и, боюсь, не получится никогда. Я облажаюсь. Подставлю не только себя и Жанну, но и Артёма.

Помогая мне во время первой брачной ночи, Артём сильно рисковал и не мог взять в партнёрши не проверенную женщину, а, значит, он знаком с той девушкой достаточно давно и доверяет ей. Может быть, сможет позвать её ещё раз на секс втроём...

— О чём ты задумался?

— О тебе. О нас.

— Никогда не говори «нас». Забудь это слово, — Жанна испуганно заморгала длинными ресницами. — Есть только ты. Я всего лишь твоё приложение, не более того. И думать обо мне не надо никогда. Пожалуйста.

— Жанна, ты чего?

— Не понимаю, — она схватила за лоб, будто бы у неё болела голова. — Ты не читал материалы, которые тебе присылали?

— Читал. Но не все. Я предпочитаю художественную литературу.

— Зря. Тогда слушай: женщина — это не полноценный человек, попытка относиться к ней как к равной делает отношения деструктивными и требует коррекции. У тебя же в детстве был хомячок? Толик, верно?

— Да, откуда ты знаешь?

— Я многое про тебя знаю — любимые блюда, любимые цвета, про смерть отца и маму в монастыре тоже. Не в этом суть. Так вот, ты же не говорил в детстве: «мы с Толиком идём ужинать?». Нет. А если и говорил, то был слишком сильно привязан к Толику. Это тоже запрещено. Дети не должны сильно любить своих питомцев. Твои родители после подобной

фразы должны были убить Толика на твоих глазах. Понимаешь?

— Нет, не понимаю. Причём здесь Толик, если мы говорим о тебе?

— Да притом, что женщина — почти как хомячок. О нас нужно заботиться, оберегать, кормить правильно, обеспечивать регулярным спариванием с целью продолжения рода человеческого, но не любить. Любовь в браке опасна для будущего человечества и приведёт к вымиранию вида. Хороший уход, ограничение свободы и секс с подходящим партнёром. Ты представляешь, как заводчики разводят породистых собак и кошек? Думаешь, они могут позволить своим питомцам бегать на свободном выгуле, вести себя неадекватно или агрессивно? Вот! Если найдётся такой добрый хозяин, то его животное быстро исключат из племенной работы. Такое же отношение и к людям.

— Не совсем такое, — пробурчал я себе под нос. — У животных хотя бы равноправие. Агрессивных самцов так же лишают детородных органов, как и самок. А у людей мужскую агрессию возвели в культ.

— Да не цепляйся ты к словам. Я тебе рассказываю содержание учебника по социальным знаниям за пятый класс. Девочки с десяти лет знают, что они из себя представляют, и какими должны быть, чтобы не угодить в монастырь.

— Странные вы. Я, вроде, и не девочка, но уже сам не отказался бы от уютной кельи.

Она посмотрела на меня так, будто бы я сказал о том, что хочу, чтобы меня четвертовали, потом посадили на кол, а через пару дней отдали на растерзание ястребам. Монастырь — это всего лишь монастырь. Спокойствие, умиротворение, скука. Как же мне их сейчас не хватает!

— Ты идиот? Не хочу больше с тобой разговаривать. У тебя родная мать в монастыре уже много лет. Совсем не стыдно?

Она задела меня за живое. Неужели для девушек так важно стать матерью, что они готовы подчиняться мужчине, терпеть унижение и боль, выдавливать из себя покорность и послушание? Или я чего-то не знаю про женские монастыри.

— Жанна, постой. Женские монастыри отличаются от мужских? — я преградил ей путь.

— Тебе не нужно этого знать, — тихо прошептала она и проскользнула под моей рукой.

Семейный консультант выполнил своё обещание — уже вечером того же дня мы с Жанной погрузили свои вещи в багажник такси и отправились в аэропорт. Перелёт длился больше восьми часов. Если верить табло на гейте, мы летели в Улан-Удэ прямым рейсом. Ни разу не был в этом городе и с трудом представляю, где он находится.

После получения багажа меня и мою жену посадили в автомобиль и около четырёх часов везли куда-то. Нормальная дорога закончилась ровно за час до нашего прибытия на место, а населённые пункты ещё раньше. Лес, комары и палаточный городок на берегу озера — вот, что встретило меня по приезду. Жанну повезли дальше.

Я с чемоданом остался совсем один, когда машина уехала. Никаких инструкций, ничего. В палаточном городке видны следы жизни, но людей нет. Впрочем, как и хоть каких-нибудь признаков наличия элементарных удобств. Быстро осмотревшись, я всё-таки рискнул войти в самую большую палатку, которая больше напоминала лёгкий навес со стенами. Внутри были расставлены парты в два ряда, висели плакаты, изображающие инструкции, как правильно разделять разных животных и их же чучела. Гадость! Меня чуть не стошнило прямо на деревянный настил.

Ещё немного прогулявшись по территории, я нашёл импровизированные душевые с дождевой водой, полевую кухню, с холодильником, работающим от переносного аккумулятора и... стрельбище. Самое, что ни на есть настоящее! С двигающимися мишенями, ассортиментом оружия и строгим дедом, который выхватил у меня пистолет из рук.

— Молодой человек, почему вы не на экскурсии? — строго отчитал меня, как ребёнка.

— Я только что приехал, извините, — улыбнулся и протянул ему руку. — Дмитрий.

— Севастьян, — дед ответил на рукопожатие. — Только приехал, а уже за пушки хватаешься? Молодец. Далёко пойдёшь. Стрелять умеешь? — я покачал головой. — Давай научу, — и выдал мне вместо пистолета ружьё. — Так, положи на плечо. Расслабься. Оно тебя не укусит, не бойся. Держи крепко, но не напрягайся. Видишь птичку? — на одну из мишеней сел воробей. — Медленно нажимай на курок. Нежнее, представь, что в твоих руках женщина...

Раздался выстрел. Птичка улетела, никак не пострадав, а мы с дедом смотрели друг на друга с испугом.

— Оговорился я. Не говори никому, ладно? Меня отец так учил. В его время ещё не понимали опасности женщин, — дед натурально испугался собственных слов.

— А я и сейчас не понимаю, — не думая, выпалил в ответ и сел прямо на землю.

Оказывается, их оружие, которое лежит просто так, фактически без присмотра, заряжено. А я только что чуть не убил ни в чём не повинную птаху. Хорошо, что у охотничьего ружья есть отдача, а я в прошлом только из пневматики стрелял. Рука дрогнула.

— Пошли, мне ужин готовить надо, — дед похлопал меня по плечу.

Остальные жители лагеря вернулись только после заката. Грязные, усталые и очень злые. Инструкторы не стеснялись и всю унижали своих подопечных, не забывая раздавать подзатыльники. Тут и там звучала одна и та же фраза:

— Да тебя любая баба побьёт!

Система обучения была построена весьма своеобразно — один на один. Мой персональный инструктор появился в конце простого ужина, состоявшего из перловки с тушёнкой, приготовленной на костре.

— Ну как? Вкусно? — первым делом спросил он.

— Да, — мне не хотелось обидеть деда, который один готовил незамысловатый ужин на тридцать мужиков.

— Не ври мне! — заорал инструктор. — Тридцать отжиманий!

Я не стал спорить — упал на землю и отжался. Только конфликтов мне в этом странном месте и не хватало.

— Вы не знаете, куда увезли мою жену? — спросил я, отдышавшись.

— Ещё десять отжиманий, — прокричал он.

— Да я переживаю, вдруг, она беременна, — выпалил не думая.

— Отбой! Продолжай ужин. Забота о потомстве похвальна, — произнёс инструктор уже нормальным тоном. — Анатолий.

Я с трудом сдержал смех. Моего инструктора зовут так же, как моего хомячка? Забавно. Но на следующий день эта аналогия перестала казаться мне смешной.

Бессонная ночь в палатке была посвящена борьбе с комарами, которые пытались сожрать меня целиком. Утром лёгкий завтрак состоящий из хлеба с варёными яйцами и учёба. Если так можно назвать то, чем мне пришлось заниматься. Анатолий, мой инструктор, ещё за ужином объяснил, что общаться с однокурсниками на первом уровне запрещено. «Вы слишком слабые и можете дурно влиять друг на друга» — заявил он и ушёл спать, обещав напоследок, найти меня на следующий день.

Но с утра я его не видел. Когда прозвучал гудок, и все направились в палатку с партами, я к ним присоединился. Четырнадцать человек разделились на пары. Меня и пятнадцатого заставили сесть раздельно и...

— Да вы издеваетесь, что ли? Я не буду этого делать!

— Стоять! — Анатолий догнал меня, когда я пробежал уже километра два. — Куда собрался?

— Домой. Я не собираюсь убивать лягушку, — ускорился и тут же запнулся о корягу.

— Это же всего лишь лягушка. Ты чего, Мить? — инструктор искренне недоумевал.

— А кто будет после лягушки? Хомячок, крыса, морская свинка? — именно этих животных я видел перед моими однокурсниками.

— Ты мужик или кто? Даже девчонка в состоянии разделать жабу. И морскую свинку тоже. В прошлом эти мероприятия входили в курс обучения психологии, которой обычно увлекались бабы.

Круто! Не удивительно, что мы опустились до уровня дискриминации женщин под предлогом защиты будущих поколений. Подумаешь, разделать живую морскую свинку на запчасти и извлечь из неё органы? Мелочь какая! Ей же почти не больно.

— Я мужчина, но не хочу мучить животных. Зачем это нужно? Психология меня не интересует.

— Ты их не мучаешь, а спасаешь, Митяй. Мы же не психологов будущих воспитываем, а мужиков. Это лабораторные животные, которым суждено умереть. Но если ты сможешь аккуратно разрезать жабу и зашьёшь её так, как учит профессор, она проживёт свои дни в сытости и комфорте. Таковы правила, — устало произнёс Анатолий.

Я резко остановился и замер. Мне эта ситуация чем-то напомнило мою первую брачную ночь — сделай девушке больно, лиши её невинности на глазах озабоченных стариков или она попадёт в их лапы и совсем пропадёт. А теперь эта жаба. Она так тяжело дышала, квакала, пыталась вырваться... Если я не проведу скальпелем по её животу, жабу убьют. Если я облажаюсь, она умрёт от моих рук. Если у меня всё получится — она выживет. Выбор за мной. Вот только помимо жабы, я ещё и жизнь Жанны могу превратить в кошмар. Если облажаюсь...

— Извините. Меня не предупредили, что придётся резать животных, — нехотя повернул назад.

— Никого не предупреждают. Расслабься. Не ты первый — не ты последний. Будь мужиком и у нас всё получится.

«Будь мужиком» — фактически было негласным девизом лагеря. Я хотел пройти первый уровень как можно быстрее и у меня получилось. Благо пройти его оказалось совсем не сложно. Нужно было всего лишь разрезать трёх животных, сходить в три похода, длительностью в тридцать километров, изучить жизнь местной фауны и хотя бы три раза попасть в движущуюся мишень.

— Поздравляю, — Анатолий пожал мне руку после завершения последнего похода. — Скоро за тобой приедет машина.

— Слушай, я так устал. Жрать хочу, как скотина. И спать. Может, завтра?

— Ты чего, мужик? В спальнике с комарами заснуть невозможно, а от хаванины деда изжога мучает. Сегодня пожрёшь и поспишь нормально. Спасибо тебе.

— За что?

— Да хоть за то, что от мозолей не ноешь. Видишь сыкунка? — он ткнул пальцем в

субтильного, немного сутулящегося мужчину. — Он уже почти месяц здесь и никак не может крысу прикончить. Спасибо за свободу.

Я не понял, о чём он говорит. Конечно, любому инструктору приятно, что его подопечный успешно справляется с заданиями и быстро повышает свой уровень. Вот только на моё место придёт другой. Такой, как тот хлюпик, на которого Анатолий мне указал, возможно. К чему так активно благодарить и широко улыбаться?

— Дим, выпьем, а? Сегодня можно, — Анатолий окончательно переобулся и усердно строил из себя моего приятеля, от строгости инструктора и следа не осталось.

— Неа. Вообще ничего не хочу. Только воды, — смахнул пот со лба, друзей в лагере я заводить не собираюсь.

— Отпразднуй со мной, пожалуйста. Я здесь уже три месяца, — да он почти умоляет меня, странно.

Бутылку коньяка мне протягивал не злой инструктор, а усталый, интеллигентный парень. Достаточно симпатичный при этом. Я просто не смог ему отказать и согласно кивнул.

— Только не здесь, — шепнул он мне на ухо. — Пойдём в лес. Закуска у меня с собой.

Анатолий заставил мои уставшие ноги пройти ещё пару километров до маленькой полянки, в центре которой лежало опрокинутое непогодой старое дерево. Толик разложил на пергаментной бумаге сыр с плесенью, разлил тёплый коньяк по одноразовым стаканчикам и сказал тост:

— За мужиков!

— За мужиков, — повторил я и опустошил стаканчик. — Тебя в отпуск, что ли не отпускали?

— А, потом поймёшь, — махнул рукой. — Конфиденциальность! — поднял указательный палец к небу, как бы намекая, что за нами беспрестанно следят.

Импровизированное застолье продлилось до глубокой ночи и закончилось на рассвете. Толик пошатываясь встал в какой-то момент и побрёл в лагерь, параллельно общаясь с кем-то по телефону. Я шёл за ним понимая, что прямо сейчас он вызывает автомобиль, который увезёт меня в зону прохождения следующего этапа. Второй уровень... Что ждёт меня там?

В этот раз трансфер не занял много времени и привёз меня в симпатичный дом отдыха, состоящий из небольших одноэтажных коттеджей, в которых размещалось десять человек — по двое в каждой комнате. Душ и туалет общие, зато есть большой холодильник, набитый полуфабрикатами и средства от насекомых. Хвала! Толя не обманул — сегодня я смогу нормально поесть и нормально выспаться. А ещё нормально помыться. Количество воды в душевых палаточного городка зависело от осадков, поэтому время водных процедур было ограничено наполненностью резервуаров. Во время моего пребывания там — ровно три минуты. За это время даже шампунь с волос нормально смыть не успеешь, не то, чтобы глину после дальней вылазки.

Мне всё нравилось, кроме одного странного ограничения — общаться с соседями и здесь нельзя. Если в палаточном городке это выглядело почти нормально — все усталые, измученные, обсуждают прошедший день со своим инструктором. Сил и желания на бессмысленную болтовню там попросту не оставалось.

В коттедже же напряжение между сожителями зашкаливало.

«Кто сожрал последнюю лазанью?» — легко угадывалось в звуке захлопнутой с грохотом дверцы морозилки.

«Ты на ногу мне наступил, козёл!» — читалось в глазах пострадавшего.

«Выходи, мразь, достал» — мой сосед иногда буквально вышибал дверь, чтобы освободить ванную комнату.

Мы все заперты в одном, не очень большом помещении. Из развлечений — только сон и еда. И обучение мужественности, которое начинается задолго до рассвета. В этот раз нас учат убивать...

Индивидуальных инструкторов нет. Деда, готовящего еду тоже. Только полуфабрикаты, микроволновка и охотник. Мы все одеты в форму цвета хаки. Ненавидим друг друга настолько откровенно, насколько позволяют правила. А правила запрещают нам бить друг друга, что как минимум странно.

Подробная инструкция с правилами совместного жития висит на двери каждой комнаты, на холодильнике и при входе в коттедж. В нас же жестокость должны воспитывать? Сейчас самое подходящее время. Коммуналка — идеальное место для конфликтов, особенно в условиях воздержания и вынужденного молчания.

О том, что мне действительно нужен секс, я старался не думать, но после окончания первого уровня и пьянки с Анатолием либидо неожиданно проснулось. Чувствую зуд в районе паха почти всегда. Ненавижу своего соседа — он ходит по нашей общей комнате без трусов и дрочит в душе, не закрывая дверь. Уже три раза его за этим делом застукал.

— Ну, что, мужики? Готовы причинить добро природе? — охотник муштровал нас, как в армии.

— Да, — неровным хором ответили мы.

— Дмитрий, останьтесь, — он остановил меня, когда я уже собирался покинуть

комнату сбора. — Сколько вы уже у нас? Неделю? На стрельбище вы показываете отличные результаты, а в лесу не смогли попасть в зайца, который замер в пяти метрах от вас. Объяснитесь.

— Я испугался, — врать, что я промазал случайно, было глупо.

— Кого? Зайца? — охотник прищурился.

— Нет. Самого себя, — я не выдержал его взгляд и отвернулся.

— Понятно, — он грозно посмотрел на меня. — Значит, ты не хочешь убивать зверей...

Собирай свои вещи.

— Нет, я хочу, но заяц... — охотник не дал мне договорить.

— В таких случаях, как у тебя обычно аннулируют брак и лишают гражданских прав, но ты из Платинового списка, так что с тобой разговор особый будет. Собирай вещи. Сегодня ты переезжаешь.

— Куда?

Меня мало волновало собственное будущее, но я переживал за Жанну. Да и Артёма не хотелось подставлять. Он так рисковал ради меня...

— В Рай, — ответил охотник и вышел из домика, громко хлопнув дверью.

Я ещё пару минут постоял на месте, а потом отправился собирать вещи. Лишение гражданских прав за то, что не хочешь убить утку? Полный идиотизм! Кто и когда решил, что мужчина, для того, чтобы иметь право именоваться мужчиной, должен убивать? На втором уровне из нас всех делали охотников. Учили выслеживать добычу, загонять её и лишать жизни. Утки и зайцы — для начинающих. Это самое простое. Потом нужно будет убивать лис, волков, лосей... Не только пулей, но и охотничьим ножом. На лекциях нас учили, как правильно перерезать горло животному, чтобы не повредить его шкуру. Отвратительно.

— Дмитрий, ваш Рай ждёт. Поторопитесь, пожалуйста.

Водитель отвёз меня в аэропорт и выдал билет.

На самолёте я вернулся обратно в Москву, выдохнул, мысленно поблагодарив Артёма. «Если бы он, используя свои связи, не включил меня в Платиновый список, прямо сейчас меня уже лишили бы гражданских прав, чтобы это не значило, а Жанне подобрали бы другого мужа» — подумал я, спускаясь по трапу. И ошибся, рассчитывая, что сейчас вызову такси и поеду домой. Просто так возвращать в семью меня никто не собирался...

В этот раз никакого личного трансфера и персонального водителя не было. Я спокойно поймал такси и попросил отвезти меня домой. Ну, а что? Убивать меня они не собираются, так что под эпитетом «Рай», вероятно, предполагалась моя семейная жизнь с Жанной. Если она во время медового месяца умудрялась мыть полы и готовить вкусную еду, то дома она действительно должна была превратить мои будни в рай на земле. Так что можно расслабиться и ни о чём не думать. Уверен, Артём даже если возникнут какие-то проблемы, что-нибудь придумает. В конце концов, скоро у нас появятся общие дети, и он точно захочет видеть их достаточно часто.

Задумавшись, я прикрыл глаза и не заметил, как моё такси подрезал чёрный автомобиль.

— Островский, кто вам дал право покидать здание аэропорта? Вы едете с нами, — молодой мужчина в чёрных очках пытался выглядеть сурово, но подростковая щетина на щеках не позволяла ему это.

— Куда вы меня везёте? — спросил я, удобно расположившись на заднем сидении.

— В Рай, — ответил мальчишка.

Мурашки побежали по коже. Хорошо бы научиться разворачивать время вспять, снова вернуться в возраст моего похитителя и сразу упасть в пучину страсти. Жить для себя, отказаться от права на участие в лотерее и никогда не узнать Жанну. Дядька, на попечении которого я находился, мало интересовался моей судьбой. Он бы только укоризненно покачал головой и тут же снова занялся своими делами.

— Приехали, вылезай, — мы остановились у неприметной калитки, почти скрытой в зарослях живой двухметровой изгороди.

— Вы меня не проводите? — я вытащил чемодан из багажника и понял, что парень собирается уезжать.

— Допуск в Рай ограничен Платиновым списком. Завидую, брат. Надеюсь, когда-нибудь мы ещё увидимся. За этими дверями, — он кивнул в сторону калитки, пожал мне руку, сел в автомобиль и уехал.

Я зашёл внутрь огороженной территории и не поверил собственным глазам. До этого места мы долго ехали по грунтовке, опоясывающей что-то типа заброшенной промзоны. Мусор, грязь, вонь. За живой изгородью я ожидал увидеть полигон, турники, потных мужиков и казармы без удобств, но ошибся — у входа меня встретили пять обнажённых до пояса девушек. Одна из них вручила мне коктейль, две другие подхватили под руки и повели по аккуратной дорожке мимо огромного бассейна с водопадами, фонтаном и барами.

— Мой господин желает уединиться с одной из нас прямо сейчас? Зал игр пока почти пуст, я очень хочу стать твоей рабыней, — одна из девушек обогнала меня, встала на колени и начала целовать мои ботинки.

— Эй, ты чего? Я устал после перелёта, хочу отдохнуть, — ошарашено попробовал обойти её.

Но девушка меня опередила — зарделась и убежала. Я же, в компании оставшихся четырёх, продолжил свой путь к пятиэтажному зданию с балконами. Больше меня никто не останавливал.

Мы поднялись по красной ковровой дорожке на ресепшен, прошли мимо него, дошли до

лифта и, перед тем, как его двери закрылись, я услышал едва слышный шёпот одной из них:

— Дашка уже второй раз нарушает правила. В этот раз карцером не отделается.

— Думаешь, её отправят в...

— Отправят. Туда ей и дорога.

Получается, ту девушку, что встала передо мной на колени, завали Даша. Вот только за что её собираются наказывать? За то, что она предложила себя? Почувствовал лёгкое волнение внутри себя, член приподнялся. Вид пяти пар женских грудей сначала смутил, а сейчас, когда я остался один, вызвал неожиданное возбуждение. Очень не вовремя — я понятия не имею, что ждёт меня в Раю дальше.

Лифт остановился на третьем этаже, хоть я и не нажимал кнопку. Впрочем, их в нём и не было. Я посмотрел направо, потом налево. Мне никто не сказал, в какой номер идти. А если бы и сказали, на дверях всё равно нет никаких опознавательных знаков. Ключей мне тоже не дали, так что стоит вернуться на ресепшен и уточнить.

Приятная музыка раздалась с левой стороны. Я повернул голову и увидел, что одна из дверей открылась настежь. Отлично! Кажется, я нашёл свой номер. На удивление совершенно обыкновенным: небольшого размера и достаточно скромный. Надеюсь, отдых в этом пансионате стоит не слишком дорого.

Я снял одежду, обернул белое полотенце вокруг бёдер, вышел из ванной комнаты с единственным намерением — немного поспать. Но понял, что моему желанию не суждено сбыться, когда увидел сидящего на стуле мужчину в очках.

— Здравствуйте, Дмитрий. Я ваш личный психолог. Вы готовы обсудить ваши проблемы?

— Мне отдохнуть можно? — вспыхнул я.

— Нет, — спокойно ответил психолог. — Я изучил вашу биографию и нашёл корень всех зол. Это ваша мать.

— Слушайте, я вас впервые вижу. А мать свою не видел уже много лет. И никаких проблем у меня нет, гарантирую.

— Вот! Ваша главная проблема — отрицание проблемы. Расскажите мне о вашем детстве всё. Это не просьба, — добавил он, когда увидел, что я готов вышвырнуть его за дверь. — Если вы не захотите сотрудничать, ваш брак будет расторгнут, имущество конфисковано, а вы сами отправитесь в исправительное учреждение до конца своих дней.

Как нелепо звучала его угроза! Исправительное учреждение, но на всю жизнь. Гуманность зашкаливает. Воспитание, исправление, коррекция, Рай, в конце концов. Вот только за этими, вполне невинными словами, скрывается форменный кошмар. Мой дядя был женат. Мои родители были женаты. За свою жизнь я знал несколько сотен женатых пар. Вот только разведённых встретить мне не удалось.

Раньше мне это казалось нормальным, но после того, как я узнал об аннулировании браков, если муж не желает жёстко доминировать в семье, то у меня возникли вопросы. Куда пропадают не выдержавшие испытание браком? Психолог только что ответил на мой вопрос — в исправительное учреждение до конца своих дней. Вот только узнавать, что это за заведение, я не хочу.

Поэтому пришлось переступить через себя, а потом долго и нудно рассказывать незнакомому мужчине о своём детстве. Как мне не купили игрушечный вертолёт на день рождения, как папа меня отшлёпал за двойку, как дядька запирал в комнате и не позволял даже свет включать.

— Стойте. Меня не интересует ваша жизнь, после расставания с матерью. Почему вы избегаете воспоминаний о ней? Она ставила себя выше вас? Позволяла себе быть грубой с вами? Повышала голос? Может быть, она...

— Она была хорошей мамой. Тихой, заботливой, любящей.

— Ага, — психолог начал записывать что-то в своём блокноте. — Продолжайте. Вашему отцу она перечила?

— Нет, никогда, — абсолютно искренне ответил я, вспомнив, как мама даже посмотреть на папу боялась. — К чему эти вопросы?

— У вас детская травма, дорогуша. Ваше сознание отрицает её. Ну же, вспомните, мама наверняка заставляла вас доедать до конца невкусный ужин? Или запрещала вам съесть торт, купленный к празднику? Верно? — в его руке появилась безделушка, напоминающая часы на цепочке.

— Вы меня загипнотизировать хотите? — спокойно произнёс я.

— Хотел. Но, к сожалению, вы не поддаётесь гипнозу. А жаль. Это самый простой способ скорректировать дефективное самосознание. Что ж, на сегодня сеанс закончен. Вот, держите, — он протянул мне распечатанный бланк. — Это распорядок вашего дня. Вы не имеете права отказываться от предложенных развлечений. Всего доброго.

Мужчина ушёл, а я с интересом стал рассматривать предложенный мне план мероприятий. Всё очень кратко: завтрак — процедуры — обед — процедуры — ужин — процедуры. Почувствовал себя стариком в санатории, которому даже вечером нельзя отдохнуть. Хорошо хоть время подъёма и отбоя не стали указывать. Впрочем, если верить указанным в расписании временным рамкам, то у меня время только на сон и остаётся.

Кстати, самое время немного подремать.

Но стоило мне лечь на кровать и попробовать уснуть, как в комнате раздался вой сирены. Это ещё что? Пожарная сигнализация? Я посмотрел на часы и увидел, что наступило время ужина. Что ж, надо так надо — я не против подкрепиться. У лифта меня уже ждали две девушки. Вернее, женщины. Им обеим было хорошо за тридцать. Одна из них обвила руками мою шею, начала расстёгивать ширинку на джинсах и жадно впиалась губами в мой член, перед этим больно задев его собачкой от молнии.

— Сейчас время ужина, — мягко попробовал отстраниться, но тут же попал в руки её напарнице, которая уже стягивала с себя трусики.

— Время ужина — идеальное время для любви, — хрипло ответила вторая и тут же присоединилась к своей подруге.

— Девочки, хватит. Я не могу так, — взмолился я и был услышан.

Женщины заметно расстроились, но не стали спорить. Поправили свою одежду и проводили меня до ресторана, расположенного на последнем этаже.

— Ваш столик, мой господин, — произнесла одна из них и тут же обе испарились.

К моменту моего прихода за столом уже сидели трое мужчин, ещё одно место оставалось свободным. Они явно друг друга хорошо знали и эмоционально общались, обсуждая вечерние процедуры. Я не сразу понял, о чём именно они говорят:

— Ты её есть собрался?

— Только маленький кусочек, люблю сырое мясо.

Все трое рассмеялись.

— Мне немного оставишь?

— Даже не мечтай!

Снова хохот.

— Ну ты, Сергей Михалыч, и извращенец.

— Кто бы говорил. Я хотя бы чинарики о баб не тушу и баклажаны им во влагалище не засовываю, — мужик, которого назвали Сергей Михалычем, перестал улыбаться. — Заткнулись оба. Вы меня перед новеньким позорите. Ты кто такой будешь?

— Дмитрий. Островский, — ответил я и протянул Сергею Михайловичу руку.

— Не слышал о таком. Серж, — мужик встал, пожал мне руку и похлопал по плечу. — Рановато тебе ещё для попадания в Рай. Молодой ещё совсем. Любишь сырое мясо?

— Серёг, харе заманивать в свою секту новеньких. Что, парень, жена родила? У меня та же проблема. Бери девственниц, с ними лучше стоит, — сосед напротив хитро подмигнул.

— У вас тут и девственницы есть? — я сел на свой стул.

— Ну конечно! — ответили все трое.

— Вот только они не для всех, — ответил сосед напротив. — Придётся доплатить за невинность.

— Я подумаю, — постарался не показать свою брезгливость.

Покупать женское тело, да ещё и не готовое к соитию, для меня за гранью добра и зла — я ещё свою первую брачную ночь не до конца переварил, а тут мне предлагают повторить подвиг, да ещё и за свой счёт. Ни-ког-да!

Это не рай, а чёртова клоака! Старые извращенцы свободно обсуждают свои сексуальные девиации. Сергей Михалыч, похоже, действительно срезает куски мяса с бёдер ни в чём не повинных девушек и жрёт их с соевым соусом! Если бы ужин начался до разговора с психологом, я бы уже сбежал отсюда, забив и на Жанну и на Артёма. Они уже взрослые и сами в состоянии разобраться со своими проблемами. Стоп! Рай. Именно сюда они собираются отправить мою жену, если я не научусь доминировать? Комар.

Котлета в рот не лезла. Аппетит пропал полностью. Меня тошнит от этих мужиков, от того мира, в котором я живу и от самого себя тоже. Власти скрывают до последнего подробности будущей семейной жизни. Не хотят, чтобы мальчики узнали о том, что их ждёт в будущем раньше времени. Идеализируют женщин на словах и унижают их в реальности.

Соседние столики почти опустели, значит, и мне скоро придётся приступить к «процедурам». Что это за процедуры, я уже примерно догадывался, но никак не мог предположить, насколько далеко мне придётся зайти, чтобы спасти себя, свою жену и друга...

Ещё в самом начале ужина я заметил на террасе около сотни дрожащих девушек и женщин — на улице сильно похолодало, но все они были в нижнем белье. Понятно, что не просто освежиться дамочки сюда пришли. Я видел, как мужчины заканчивали свой ужин, шли на террасу и забирали одну, двух или даже трёх с собой. К тому моменту, когда я осмелился тоже выйти из ресторана, на террасе осталось всего тридцать женщин.

— Вы немного припозднились, — ко мне подошёл парень в костюме клоуна и поклонился. — Но не печальтесь! — он начал дирижировать палочкой. — Остались лучшие. Самые развратные и похотливые, податливые и терпеливые, а ещё они будут благодарны вам всю свою жизнь и не забудут вас никогда!

Он вёл себя как торговка на рынке. Пытался втюхать залежалый товар, который, между прочим, тоже не терял времени даром. Девушки и женщины начали кривляться передо мной. Некоторые снимали трусики и лифчик, другие просто прогибались и пытались танцевать.

— Я хочу одну из тех девушек, что встретили меня. Даша, кажется.

— Даша? Мне очень жаль, но у неё отпуск. Вы должны выбрать партнёршу или партнёра на сегодняшнюю ночь прямо сейчас, — клоун начал пританцовывать вокруг меня.

Всё происходящее напоминало жуткое кабаре из фильма ужасов. Светомузыка просто с ума сводила. Очень хотелось уйти, но я понимал, что не могу.

— Я её хочу, ясно? — взял клоуна за горло и слегка придушил.

Ну а что? Они хотят агрессии? Они её получают. Судя по разговору её товарок, девушка Даша получила не тот отпуск, о котором мечтала. Если я ошибаюсь, то просто отпущу её, а если нет... Спасу?

Митяй, кончай строить из себя рыцаря. Ты же тряпка похотливая! Причём неразборчивая. У тебя стоит на всё, что движется, но не на собственную жену. От этих мыслей я слегка возбуждился, клоун заметил мою эрекцию и, откашлявшись, радостно рапортовал:

— Желание наших клиентов закон! Будет вам Дарья в лучшем виде. Прошу!

Он отошёл в бок, позволяя мне зайти в прозрачный лифт. Это ещё что за напасть?

Как только двери лифта закрылись, я погрузился в полную темноту. Он ехал долго.

Слишком долго. Привёз меня куда-то глубоко под землю, это точно. Когда двери лифта открылись, громкая музыка чуть не оглушила меня. Но не смотря на то, что колонки работали в полную мощность, они не смогли до конца скрыть крики и вопли женщин.

— Выпить хотите? — импозантный мужчина сразу обратил на меня внимание.

— Виски. Чистый. Безо льда, — выйдя из лифта, я сразу попал в бар. — Когда мне приведут мою...

— Вашу жертву? Придётся немного подождать, Митяй, — бармен говорил со мной так, будто бы мы заправские друзья. — Не волнуйся. Всё будет, — подмигнул мне и протянул запотевший стакан.

Я выпил его до дна и попросил ещё. Сегодня мне просто необходимо напиться. Хоть я и готов принять все правила, навязанные властями. Даже чёртова кабанчика убить, а потом разделать. Но их Рай сводит меня с ума!

Со стороны в подземелье всё выглядит почти невинно — девушки танцуют с мужчинами, липнут к ним всем телом, улыбаются, шепчут что-то в ответ. Но в глазах каждой из них ужас. Полумрак зала не может скрыть, как напряжены их тела, как трясутся их руки, как вымученно выглядят улыбки...

— Спасибо, — у меня случился эффект дежавю, когда Даша села рядом со мной и заговорила.

Примерно таким тоном благодарила меня когда-то Жанна.

— Не за что. Выпить хочешь?

— Мне нельзя, я — будущая мать, — как заученный стишок произнесла девушка. — Ты хочешь взять меня прямо здесь или предпочитаешь уединение?

Только сейчас я заметил, что часть посетителей уже занимаются сексом со своими партнёрами, некоторые прямо у барной стойки, буквально в нескольких метрах от нас с Жанной.

— Уединение, — неуверенно промямлил я.

Мне очень хочется попробовать групповой секс, вид обнажённых тел возбуждает, но сам факт измены собственной жене кажется неправильным и недопустимым. Женщин осталось так мало, они должны нам изменять, а не мы им.

— Чёрт, так и знала, что извращенец, — недовольно буркнула Даша, но тут же широко улыбнулась и куда-то потащила меня за руку.

Глава 23

Красная комната с красной подсветкой, бордовым постельным бельём на круглой кровати и странным приспособлением, напоминающим качели по центру, рядом с которым лежит кожаная плётка.

— Ты куда меня привела? — я пожалел о своём выборе, решив, что Дарья увлекается нестандартными видами секса. — Давай лучше в мой номер пойдём.

— В твой номер? Хочешь, чтобы изгнали из Рая? Если сегодня ты не испытаешь оргазм, — она начала медленно раздеваться под музыку, которая звучала ещё до нашего прихода.

— Прекрати. Это всё не правильно, — контролировать своё тело с каждой секундой всё сложнее.

— А что правильно? — Даша встала на колени, ловко стянула с меня брюки и облизала член. — Может быть, ты предпочитаешь медсестёр? Или школьниц? Хочешь, я буду доминировать? Это не поощряется, но в Раю допустимо.

Девчонка выглядела очень растерянной. С чего она решила, что у меня должно встать на неё прямо сейчас? Мы едва знакомы, а я только что плотно поел. К тому же я попросту не готов изменять своей жене, тем более с незнакомкой.

— Золотой дождь любишь? Или хочешь посмотреть, как я пускаю себе кровь? — она схватила опасную бритву, лежащую на столе, и поднесла её к своему обнажённому животу.

— Стой, — перехватил её руку в полёте и забрал бритву. — Скажи мне, что происходит?

Дарья внезапно разрыдалась. Только что улыбалась, пыталась соблазнить меня, изгибалась всем телом, облизывала головку члена и вдруг устроила истерику. Нет, она не кричала и не билась в истерике — плакала почти беззвучно, но вся тряслась. Её кожа покрылась мурашками, хотя в комнате было тепло, кончики пальцев посинели. Мне пришлось ударить её по щеке, чтобы вывести из странного состояния, напоминающего какой-то транс.

— Прости. Я не хотела тебя напугать, — произнесла она, чуть заикаясь, и приложила ладонь к покрасневшей щеке. — Мне кровь из носа нужно добыть из тебя сперму.

Хвала! Очухалась. Я бы с удовольствием исполнил её желание, вот только не знаю, как. У меня и без того на женщин член не особо стоял, а после её покачиваний с замерзшим взглядом вообще перестал реагировать на все попытки его взбодрить. Я попытался честно. Закрыв глаза. Вспомнил всех девушек, которые в юности вызывали у меня бурные эмоции и... ничего.

— У меня не получится, — категорично заявил ей. — Особенно в этой комнате.

— Так... — Дарья задумалась. — В Рай получают допуск мужчины, имеющие определённые проблемы в интимной сфере. Не все. Из платинового списка, разумеется, — она будто бы испугалась меня обидеть. — Обычно они нуждаются в определённых действиях и помощи со стороны партнёрши. Что хочешь ты? Подумай? Что тебя возбуждает? Здесь нет камер — не бойся быть искренним со мной.

Я задумался ненадолго. Эту девушку я совсем не знаю, зато знаю Жанну. И Артёма, который заставил меня завершить ритуал первой брачной ночи с помощью какой-то своей подруги.

Если Даша донесёт на меня или обманула на счёт камер... Нет, сейчас не время для откровений и признаний.

— Со мной всё в порядке, — уверенно посмотрел на её грудь.

— Ага. Хочешь сказать, что попал сюда случайно. Дим, мне очень важен сегодняшний вечер. Я — мисс неудача. Недостаточно красивая, недостаточно старательная, недостаточно послушная. Мой брак продлился шесть месяцев, после чего муж объявил, что не собирается больше спать со мной. Никак не объяснил своё решение, просто отказал в интимной жизни и списал за профнепригодность.

Я ошалело вслушивался в каждое её слово. Как меня угораздило столкнуться с девушкой, судьбу которой, вероятно, совсем скоро повторит моя жена? Рано или поздно мне придётся сознаться, что сексом с Жанной заниматься не смогу.

— Я думаю, здесь все такие, — отвернулся, чтобы она не увидела выражение моего лица. — У проблем с потенцией может быть множество причин.

— Причин для попадания в Рай много. Но не об этом сейчас речь. Я вижу, как ты смотришь на меня. Импотенты так не умеют. Они смущаются, опускают глаза или наоборот, сразу начинают шупать везде, засовывать пальцы. Что хочешь ты? Что тебя возбуждает?

Не стал ей отвечать. Пусть думает, как хочет. Я не обязан перед ней отчитываться.

— Понятно. Любой нормальный мужик сразу возмутился бы. Ой, прости. Не хотела тебя обидеть. Пойдём.

— Куда? — я сделал шаг назад и уткнулся в стену.

— Уфф... Красавчик, не подводи меня. Ты забыл, где находишься? Это Рай для всяких извращенцев, любителей оргий и прочих нестандартных развлечений. Разумеется, здесь подумали о фанатах секса втроём. «Импотентов не бывает — бывает мало женщин в одной постели» — говорили нам на подготовительных курсах. Топай, давай.

Она всё больше напоминает Жанну. Манера общения, интонация голоса и вот это всё — от «ноги целовать тебе буду» до «топай, давай». Женщины завораживают меня. Пленяют своей красотой. Я, видимо, неправильный мужчина, если могу любоваться женским телом, но не могу заставить себя его трахать.

— Ты думаешь, с двумя девушками у меня получится лучше, чем с одной? Ты ошибаешься. Мне изменять жене стыдно. Я так долго ждал свой приз и просто не могу её придать.

— Ты не предаёшь её — ты её спасаешь. И сам об этом прекрасно знаешь.

Тот номер, в который Дарья меня привела, выглядел обычно. Вот только вместо электрических ламп горели свечи, а на кровати лежал парень с уже возбуждённым членом. Даша сразу набросилась на него, оседлала сверху. Посмотрела на меня и переставила его половой орган из влагалища в свою попку. Я почувствовал, как оживаю. Начал раздеваться, когда увидел вышедшую из ванной комнаты девушку с кудрявыми белокурыми волосами.

Я буквально набросился на неё, совсем забыв о приличиях и недопустимости измен. Мне так хотелось секса прямо здесь и прямо сейчас, что всё остальное просто перестало на время иметь хоть какое-то значение. Вид слившейся в экстазе парочки загипнотизировал, превратил мужчину в машину для механического секса. Девчонка пискнула, когда я резко взял её одним движением. Напряглась, замерла. Зрачки расширены, смотрит на меня, как на монстра, хоть и не девственница совсем. Я прижал её к стене, не позволяя убежать, и ускорился.

— Не в него, — Даша, как назойливая муха, начала елозить языком по моей шее. — Ась, отойди.

Девчонка ловко увернулась после очередной фрикции, вызволив себя из моих объятий. Встала так, чтобы я мог её видеть, и начала массировать член парня рукой. Всё моё естество тянулось к ней. Захотелось схватить девчонку за шкирку и оттащить.

Моя она, моя! Пусть только в этот день и час! Не смей быть такой пошлячкой!

Дарья вцепилась ногтями в мою руку, заставив вспомнить о том, где я и зачем. Вот только это не помогло — член начал терять упругость прямо на глазах.

— Ась, помоги нам, — она встала в позу кошечки.

Я честно попробовал взять её сзади. Но мой мужской орган не подчинился. Безуспешно пытался утрамбовать его хоть куда несколько минут. В это время наши партнёры перестали изображать прелюдию, и перешли к настоящему сексу. Ревность, злость, желание убить и парня и обеих девок. А ещё лицо Жанны перед глазами... Я совсем запутался, что мне нужно и, самое главное, что нужно моему члену.

— Работай, — прошипела Дарья, почувствовав прилив крови к детородному органу, елозящему у неё между ног.

И у меня получилось. Не так, как хотелось бы. Слишком быстро и слишком блекло. Секс с девчонкой понравился больше, чем оргазм с Дарьей. Я просто кончил и слил в неё сперму до последней капли.

— У тебя не залётные дни? — я неожиданно вспомнил, что от секса дети появляются, а у меня жена дома.

— Ещё какие залётные, — Даша подняла ноги вверх, облокотив их на стену. — Спасибо. Теперь меня не исключат, надеюсь.

— Эй, у меня жена вообще-то есть, — её признание шокировало.

— А у меня просто желание есть. Есть устриц, крабов, лангустинов. Сходи в душ — мне надо помедитировать.

— Странно ты медитацией занимаешься. Сама в душ сходить не хочешь?

— Дня через три — обязательно, а пока... — Даша блаженно закатила глаза, явно наслаждаясь странным процессом.

— Ты что творишь?

— Пытаюсь помочь естественному зачатию. Завтра повторим, если хочешь. Или желаешь попробовать другую девушку из Рая? Мне от тебя пока больше ничего не нужно. Не мешай. Уйди.

Не знал, как ей возразить ещё, поэтому просто сходил в душ, оделся и вернулся в свой номер. Как надолго меня отправили в Рай? Явно не на один день. Значит, Даша нужна мне. Не знаю, что у неё произошло, и по какой причине её собираются изгнать из Рая, но другая девушка вряд ли так просто согласится на секс вчетвером и станет скрывать тот факт, что кончить от классического секса у меня не получается.

С Дарьей мне очень повезло, но... Похоже, она действительно хочет забеременеть. От меня. Вот только зачем? Она знает, что я женат. Здесь все мужчины женаты. Почему она не предложила мне презерватив? Зачем ей ребёнок? Хочет уйти в декретный отпуск? Или увести меня от жены?

Но разводы запрещены уже давно. Да, бывают прецеденты, когда абсолютно здоровая девушка не может зачать или родить, но и в этом случае жену менять не допускается. Обычно проблема решается искусственным оплодотворением. Пусть не с первой попытки, но женщины рожают. По крайней мере, я так раньше думал. Пока благодаря Артёму в Платиновый список не попал. Столько вопросов и ни одного ответа. Вот бы с ним сейчас поговорить хоть полчаса...

Даша, без сомнений, хочет зачать естественным путём. Но она — шлюха. Что там у неё с мужем произошло, я не знаю и знать не хочу. По какой-то причине он отказался от неё или его вынудили отказаться. Это не моё дело. А вот мои дети — это точно моя зона ответственности. Нужно будет в следующий раз настоять на использовании контрацептивов.

Мой психолог появился на следующий день рано утром. Я был только рад поговорить с ним до завтрака. Обсуждать родителей, конечно, неприятно, но выяснить, что за шоу вчера устроила моя случайная любовница, хочу. Он должен знать, зачем местным феям нужны дети.

— Дмитрий, смотрю, ваше первое знакомство с Раем прошло успешно. Хочу вас поздравить и сообщить, что совсем скоро вы сможете соединиться со своей женой. Наши эксперты подтвердили вашу мужскую состоятельность.

— Как она?

— Страдает, скучает, внимает и ждёт. Не волнуйтесь, женщинам полезно вспомнить своё предназначение. Ваш сосед, Андрей Михалыч, например, притворяется раз пять за год, чтобы получить путёвку в санаторий. И таких как он — большинство. Своё «не хочу» выдают за физиологическую проблему. Кстати, если заскучаете — не бойтесь злоупотреблять вашими правами. Это ненаказуемо.

Он точно психолог? Вроде как обсуждать проблемы клиентов не этично. По крайней мере, в моём мире раньше было так. Но, похоже, элита живёт по другим правилам.

— Когда я смогу её увидеть?

— Кого? Жанну? Когда я решу, — спокойно произнёс психолог. — Очень рекомендую, с учётом ваших пристрастий, попробовать свинг. Удивительные ощущения! Гарантирую, вам понравится.

Нет. Не понравится. Вернее, понравится, но не в том формате, в котором он представляет себе. Сейчас он похож на менеджера по продажам — пытается втюхать мне свинг-вечеринку, причём весьма посредственно. Удивительно, что в условиях катастрофического дефицита женщин, подобное возможно.

— Спасибо, но нет. Я слишком стеснителен. Могу я продолжить свой медовый месяц вместе с женой?

— Для законных жён доступ в Рай закрыт, а вы прервать санаторное лечение досрочно не можете. Понимаю ваши чувства. Вы полагаете, что изменяете ей, верно? Спешу вас переубедить — это не измена. Знаете, редкие мужчины осознают сразу, что главная проблема не в них самих, а в их жёнах. Обычный побочный эффект, который заканчивается года через два семейной жизни. Я не знаю, по какой причине вас отправили к нам, прервав досрочно медовый месяц, но абсолютно уверен, что ваша супруга спровоцировала вас тем или иным образом. И вы были слабым. Не смогли ударить её, указать ей её место. Верно?

— Наверное. Так что теперь? Я не понимаю, что я должен сделать, чтобы вернуться к своей обычной жизни. И что от меня хотят, я тоже не понимаю, — спорить с психологом не просто бесполезно, но ещё и опасно.

— Давайте начнём сначала. Вы успешно преодолели испытание первой брачной ночью, уехали в пансионат для молодожёнов и? Дмитрий, я очень хочу вам помочь, но у меня нет данных. Кто вы, что вы, зачем вы здесь. Всё это знаете только вы, не я. Если продолжите скрывать от меня информацию, то вам придётся провести в Раю очень много времени или того хуже...

Он врёт! Я это точно знаю. Хочет разговорить меня, несмотря ни на что. Прикидывается, что не понимает. Что ж, сделаю вид, что поверил ему. Раскрою свою душу. Буду говорить правду в той части, которая, надеюсь, не причинит вреда мне, Жанне и Артёму. Надеюсь, он не раскусит обман.

Мой монолог длился больше часа, хоть я и старался не обострять внимание на деталях. Всё это время психолог молча слушал меня, иногда внося записи в свой блокнот. Закончил я

тем самым вопросом, который волновал меня сейчас больше всего:

— Почему она так сильно хочет забеременеть от меня? Дарья ведь знает, что я женат и в Раю ненадолго. Я очень переживаю из-за того, что у неё могло получиться зачать. Что будет с ребёнком?

— Теперь всё понятно! — радостно воскликнул психолог. — Вы боитесь отцовства. Это обычное дело, так... Я выписываю вас прямо сейчас, если вы того желаете, но настоятельно рекомендую продолжить общение с нашими девочками хотя бы до конца недели. Иногда это помогает избавиться от фобии, но в большинстве случаев нет. В любом случае, хуже не будет.

— Вы серьёзно? То есть, уже сегодня я могу покинуть Рай?

— Ранняя выписка не поощряется властями. Вам повезло попасть в практически единственное оставшееся исключение. Поймите, я знаю, что вам понравилось. Всем нравится, но не все могут осознать очарование этого места сразу. Кто-то слишком привязывается к своим жёнам, другие отрицают пользу принуждения, третьи боятся занести инфекцию в свой организм. Но ваш случай — исключение. Вы боитесь стать отцом. Это нормально и после первой беременности вашей супруги, вероятно, проблема может усугубиться. Мой вам совет — держитесь от неё подальше.

— В смысле? От кого мне держаться подальше?

— От Жанны. Не привыкайте к ней. Представьте, что это уборщица, которая моет пол в вашем доме. Вы понимаете её полезность, здороваетесь по утрам, но даже имя её не помните. Забудьте имя вашей жены, зовите её «женщина», тогда и с детьми проблем не будет. Ваши наследники — не ваша забота. Их воспитанием и обучением занимается в первую очередь государство, во вторую — мать. Вы же должны расслабиться и постараться не думать о том, что ваш половой акт с супругой или другой женщиной может закончиться зачатием. Всего доброго.

Психолог собрался уходить, так и не ответив толком на мои вопросы.

— Пойдите. Что будет с Дарьей?

— С кем? Ах, да. С ней ничего не будет. Забеременеет от вас, если повезёт. Не берите в голову.

— Как это не брать в голову? Она же родит мне сына! — о рождении дочери я даже не помышлял.

— И будет счастлива, что принесла пользу своей страны. Получит два года комфортной жизни, потом вернётся в Рай и... не факт, что это будет ваш ребёнок. Забудьте. Численность населения падает во всём мире и процесс уже достиг катастрофических масштабов. Дети Рая получают лучшее — образование, питание, заботу и никогда не получают информацию о своих биологических отцах. Знаю, вам сложно принять свою функцию осеменителя, но все мужчины Платинового списка рано или поздно начинают её реализовывать. Вы тоже рано или поздно вернётесь в Рай, но уже по собственному желанию. Хорошего дня.

Он всё-таки ушёл, оставив меня один на один со своими мыслями. Вначале я считал, что Платиновый список — это закрытый клуб мужчин, а, может быть и женщин, которые считаются элитой. Имеют особые привилегии, позволяющие жить лучше остальных, но сейчас... Если наши жёны в любой момент могут отправиться в бордель, а мы сами лишиться гражданства (я так и не узнал последствий этой относительно нейтральной формулировки), то это полный фейл. Быть в платиновом списке — это не бонус, а наказание! Спасибо тебе, Артём.

Поверить в то, что все новобрачные должны пережить примерно тоже что и я, или того хуже, сложно. Даже думать об этом не хочу. Проще злиться на друга и постараться не заикливаться на проблемах общества в масштабах Вселенной. Выкинуть всё из головы и сосредоточиться на планировании собственного будущего, которое, как водится, не предопределено.

В сто первый раз измеряя комнату шагами, я пропустил и приёмы пищи, и процедуры. А как идти на них, если я женщин не хочу? Опять требовать Дарью и секс вчетвером? Попробовать себя уговорить и заставить член встать? Ха! Я пытался. Но ничего не вышло. Мой орган отказывается подавать признаки жизни, даже когда я нахожусь один в душе. Что будет в присутствии незнакомой девушки? Так часто заниматься сексом никто не может. Или почти никто.

Большинство постояльцев Рая уже в годах, вряд ли они способны на сексуальные подвиги несколько раз в день. Но если не секс имеется в виду, что тогда подразумевается под процедурами? Пусть эта загадка так и останется тайной для меня. Я просто хочу свалить отсюда как можно быстрее. Переехать в свой дом-крепость, заботиться о Жанне и, наконец, увидеть Артёма.

Вчерашний секс должен был успокоить меня, удовлетворить и подарить забвение. Я испытал удовольствие, безусловно. Но и печаль тоже. Оргазм порвал моё тело, удовлетворив физические потребности, но разбередил душевные раны. Я смог исполнить свой долг и не подставить нашу с Жанной семью, но, как бы то ни было, я ей изменил. Своей красивой, молодой, наивной, доверчивой, сильной и такой слабой при этом жене. Изменил сразу с двумя девушками, участвуя в групповом сексе.

Я не люблю Жанну, это точно. Иначе давно забыл бы о её существовании, оставив в своём сердце лишь ответственность за её будущее. Так было бы безопаснее для нас обоих,

но... В моём сердце вместо любви живёт нечто большее — стыд за разврат. Я преклоняюсь перед женщинами и, в тоже время, хочу заняться сексом со всеми ими сразу. Мой голод не способна утолить одна...

— Последний вечер ваш, — тихий стук в дверь я не сразу расслышал.

Три девушки стояли у двери моего номера. Они не прикасались ко мне и даже не смотрели на меня. Говорила только одна из них. Она же робко взяла меня за руку. Откуда столько застенчивых барышень в Раю для развратников?

— Пройдите с нами, умоляю, — все трое неожиданно встали на колени.

— Девчат, вы что? Можно я хоть переоденусь? — чуть ошалел от их перформанса.

Девушки не сдвинулись с места.

— Хорошо, иду, — нехотя согласился и последовал за ними.

Позволил им отвести меня в подвал. Лифт проехал мимо первого этажа, не останавливаясь. Мы под землёй. Приятная музыка, ненавязчивая подсветка в голубых тонах и полуобнажённые девушки. На них только плавки, грудь не прикрыта. Мужчины в основном раздеты, но некоторые оставили на себе трусы. Я последовал примеру последних и не стал раздеваться до конца.

Сам не заметил, как в моих руках оказался чистый виски безо льда. Откуда они знают мои предпочтения? Не важно. Главное, чтобы мне не пришлось задерживаться в их Раю. Я проглотил крепкий алкоголь и расслабился, одна из сопровождающих меня женщин, начала массировать шею. Как же приятно! Выпил ещё стакан и ещё... После пятого почувствовал себя навеселе. Прощальный вечер же и я не облажался. Можно расслабиться!

Музыка странная, она зомбирует и заставляет погружаться в транс. Часть девушек, не занятых в обслуживании мужчин, танцуют. Извиваются, призывно протягивают руки. Перед глазами всё двоится. Какие же они невероятные. Жаль, у меня нет фотоаппарата сейчас. Любуюсь, сидя в кресле. И тут же ощущаю нарастающую ниже пояса подставу. Как же не вовремя.

Мой член встал.

«Не смотри на них, не смотри» — я честно пытался отвести глаза, но ничего не мог с собой поделать.

Хорошо хоть не вскочил с кресла и не трахнул одну из девушек на глазах у всех. Но мой маленький друг не умеет контролировать себя настолько хорошо, как я. Трусы стали малы ему и головка вырвалась наружу. «Уйди, пожалуйста, уйди» — молил подошедшую ко мне девушку, но она, естественно не стала подчиняться.

Протягивая мне стакан, её рука задержалась на моей. Её грудь прямо перед моим лицом. Её соски... Возбуждённые! Она будто бы и правда хочет заняться со мной сексом. Ну всё! Гори оно всё огнём. Плевать на этих Жанн, Даш и прочих девок. Их предназначение — рожать детей, а я — мужчина. И прямо сейчас хочу девушку, которая стоит передо мной. Так сильно хочу, что готов умереть сразу после секса с ней...

Предвкушение удовольствия — слаще оргазма. Что-то глубоко внутри вопит: «Тебя опоили, чувак», но я отмахиваюсь от него и глажу девушку по бёдрам. Как же она хороша! Никогда в жизни таких не встречал. Венера, воскресшая из мёртвых, чтобы соблазнить меня. Заставить забыть о долге.

— Стоп. Снято. Расходимся, — женоподобный мужик хлопнул в ладоши.

— Вы кто? — смотрю на него с удивлением и пытаюсь удержать девчонку, собравшуюся сбежать от меня.

— Дмитрий Островский, вы арестованы, — пропел мужчина.

— Серьёзно? Я ничего не сделал! — девушка таки выскользнула из моих рук.

— Заберите его, — махнул на меня рукой и начал пересматривать видео.

Какой же я слабохарактерный мудака! С первой минуты было ясно, что меня подставляют. Нет, они точно добавили психотропное вещество в мой напиток. Уже давно включен верхний свет, а у меня перед глазами продолжают мелькать огни. И взгляд не фокусируется ни на чём.

— Мне нужен врач, — спокойно произнёс я, сложив руки так, чтобы удобнее было надевать наручники. — Мои действия были обусловлены воздействием неизвестного вещества, настаиваю на комплексной экспертизе. Прошу внести моё требование в протокол задержания. Кроме того я нахожусь в Раю совсем недавно и до конца не разобрался с кем и когда мне можно заниматься сексом. Что есть терапия, а что разврат.

Мужик оскалился, но камеру не выключил. Я сделал всё, что мог. Пытаться доказать, что им показалось и я не то имел ввиду, когда ласкал девчонку глупо. Впрочем, списать всё на психотропы тоже вряд ли получится — наверняка их применение согласовано на самом верху, воздействие на организм изучено, галлюцинации они не вызывают, но... вдруг повезёт?

Меня усадили в машину и отвезли домой.

— Вы будете находиться под домашним арестом, пока ваша судьба не будет определена, — холодно рапортовал сопровождающий меня человек в форме. — Свидания запрещены. Звонки запрещены. Интернетом пользоваться нельзя. Если вам что-нибудь понадобится, свяжитесь со мной с помощью этой кнопки, — он надел мне на запястье мигающий обруч.

Как мило с их стороны. Сначала устроить подставу, потом надеть наручники и... Выделить офицера для исполнения желаний. Я действительно мог не знать, что трахать последнюю девку запрещено.

— Я хочу знать, что с моей женой.

— У меня нет полномочий, предоставлять вам подобную информацию.

«Не в твоей компетенции вообще знать, что происходит на женской половине страны, сторожевой пёс» — грустно подумал я.

Бедная Жанна. Девочке так много пришлось вынести, а я не смог защитить её. Если даже рядовой офицер оговорился, что знает где она и что с ней происходит, значит, они действуют по протоколу. Меня не арестовали, не заключили за решётку, но уже признали несоответствующим статусу мужа и отца. Скоро лишат гражданских прав, чтобы это не значило, а жену поместят в Рай, где ей придётся удовлетворять извращённые фантазии

стариков. Надеюсь, хотя бы для Артёма я серьёзных проблем не создал.

Мой дом-крепость сам по себе почти тюрьма. Пробраться в него незамеченным почти невозможно, но у Артёма получилось.

— Дела плохи, друг мой, — сказал он, крепко обняв меня при встрече. — Не думал, что ты настолько трепетная лань, что не решишься пристрелить утку.

— Насколько всё плохо? — хмуро сел на диван и уставился в точку на полу.

— Хуже и быть не может. Это моя вина. Нужно было сразу догадаться, что ты не справишься.

Он разговаривает со мной, как с ребёнком, которого посадили решать задачку не по возрасту.

— Зачем ты пришёл?

— Хотел поддержать тебя.

Нет. Он боится, что я сдам его. Рано или поздно власти выяснят, кто именно помог мне опубликовать книгу, получить приглашения на закрытые мероприятия и, в конце концов, попасть в Платиновый список.

— Не бойся. Я не сдам тебя. Буду делать вид, что мы незнакомы. Доволен?

— Мне не это от тебя нужно.

— Тогда что? Заканчивай наводить интригу.

— Серьёзно поговорить о твоём будущем. Ты знаешь, что ждёт тебя и Жанну.

— Её Рай, а меня, предполагаю, Ад.

— Почти угадал. После того, как твои гражданские права аннулируют...

Артём говорил очень долго, а я слушал его, не перебивая и не пропуская ни слова. Это мой единственный шанс выжить и единственный шанс спасти свою жену.

На следующий день за мной приехал человек и сопровождал до железнодорожного вокзала. Мне позволили самому выбрать место в поезде и два часа наслаждаться одиночеством. Путь оказался короче, чем я думал — даже подремать толком не получилось.

Из поезда меня сразу пересадили в чёрный автомобиль, везли не больше часа и в итоге высадили у симпатичной чугунной ограды, которая никем не охранялась. Потом один из конвоиров снял с меня наручники, заставил выйти из машины, вежливо попрощался и они просто уехали.

Я ожидал увидеть тюремные бараки, мужиков в робах, баланду на завтрак, обед и ужин. Всё то, что так красноречиво описывают в книгах о жизни заключённых. Но Ад даже близко не напоминал тюрьму из классики, он больше походил на отель звезды на четыре. По всей территории раскиданы аккуратные домики, тут и там стоят, увитые зеленью беседки, скрывающие отдыхающих от посторонних глаз, в бассейнах плещутся молодые и не очень люди без плавок, пожилые мужчины на шезлонгах потягивают коктейли. Да здесь лучше, чем в Раю и в пансионате для новобрачных! И всё это благолепие расположено прямо на берегу моря. Вот бы её женщин привести...

— Добро пожаловать в Ад, Дмитрий. Вы кем были в прошлой жизни?

Мужчина, встретивший меня на входе, тоже меньше всего походил охранника тюрьмы. Он был больше похож на личного помощника или секретаря. Спросил меня о пристрастиях в еде, вещах которые нужны мне для комфортной жизни, интересах и увлечениях, а потом радостно рапортовал:

— У нас вы напишите свой лучший роман! Ад — идеальное место для работы и творчества.

— Мне не нужно будет работать? — удивился я.

— Конечно, нужно! Вы будете писать книги, как и в прошлой жизни. Ад существует, чтобы вдохновлять вас, а не ломать! Прошу, — к этому моменту мы как раз дошли до моего домика.

Обстановка в нём оказалась достаточно незамысловатой, но очень комфортной — диван, письменный стол, телевизор, символический кухонный уголок, отдельная спальня с санузелом и просторная терраса с видом на море.

— Зимой здесь бывает немного прохладно, но у нас есть обогреватели. Вы очень симпатичный и, уверен, скоро переселитесь в другой номер, — меня передёрнуло от этой фразы.

— Спасибо. Мне и здесь будет хорошо.

— Ага, — старичок подмигнул мне и скрылся, пообещав вечером устроить экскурсию по лагерю.

А до вечера то мне, что делать? Я включил телевизор, посмотрел футбол по телевизору, выпил пару бутылок пива из холодильника и опрометчиво пошёл прогуляться. Помня о предупреждении Артёма, старался держаться подальше от бассейна и не привлекать к себе внимание, но меня всё равно заметили — коренастый мужчина подошёл ко мне сзади, положил руку на плечо и заявил, что теперь я — его бета.

— Нет. Я из Платинового списка и имею право на отказ, — презрительно осмотрел его с ног до головы.

Вот ещё не хватало прислуживать какому-то низкосортному старикашке.

— Знаю, Дим, знаю, но очень не советую пользоваться этим правом, — с угрозой произнёс мужчина. — Ночью наш Ад превращается в настоящий ад, — мерзко усмехнулся и пошёл дальше.

Первая ночь и первое испытание... Ад — пристанище редкостных извращенцев, которые плохо понимают слово «нет». Принадлежность к Платиновому списку, наделяет меня определёнными преимуществами, но... Даже представлять не хочу, что они со мной собираются сделать ночью. Я же не девушка, к пыткам и боли с детства не приучен.

— Лучше смерть, чем унижение, — процедил сквозь зубы, истекая кровью.

Жители Ада сразу после отбоя ворвались в мой домик, вытащили меня из постели и привязали к импровизированному алтарю. А потом ровно тридцать три раза вонзили нож в спину. Как предателю, недостойному видеть лицо своего убийцы. Поют что-то на латыни. Надеюсь, грехи свои замаливают, а я медленно истекаю кровью и умираю под шёпот волн. Зачем только я согласился на всё это?

— Дим, ты можешь передумать в любой момент. У нас отличные врачи. Уже через два дня будешь, как новенький, — кто-то шепнул мне на ухо.

— Нет, — настолько громко, насколько мог, ответил я и умер.

Платиновый список сыграл со мной злую шутку. Никто не мог принудить меня заставить подчиняться, но любой имел права убить меня отбоя. В Аду нет обычных осуждённых — все находящиеся здесь арестанты очень важны для общества и государства. Серебряный список, Золотой и Платиновый. В идеале мы изначально разделены на касты — гаммы, беты, альфы. Но много лет назад кто-то размыл грань доминирования и сейчас в этом месте происходят страшные вещи... Моя смерть — самое малое из зол, творящихся здесь.

— Вы слышите мой голос? Сколько пальцев видите? Прекрасно! Реакции в норме, — я лежал в больничной палате и постепенно отходил от наркоза. — Сестра, принесите ему завтрак.

— Сколько дней я здесь? — прошептал пересохшими губами.

— Две недели. Нам пришлось ввести вас в искусственную кому. Но теперь всё хорошо. Отдыхайте, — доктор ушёл.

Артём, гад, обещал, что меня лишь слегка поранят. Говорил, что у заключённых Ада крошечные самодельные ножи. Мне очень повезло, что я не успел умереть, и меня откачали. Тогда, две недели назад, распятый на перевёрнутом кресте, я искренне верил, что мне хана. Выл от боли и мысленно прощался с мамой, которую не видел уже много лет. Даже не знаю, жива ли она сейчас...

Реальная жизнь очень далека от декларируемой, я понял это с первого дня брака. Власти старательно скрывают свои способы удержать баланс в обществе. Воспитывают мальчиков идеалистами, мечтающими о семье, а девочек учат послушанию и покорности чуть ли не с рождения. Вмешиваются в семейную жизнь «счастливчиков», выигравших жену или получивших её за особые заслуги. И, наконец, занимаются перевоспитанием неправильных с их точки зрения граждан.

Ад — пристанище для тех, кто не способен измениться. Здесь содержатся не только конченные извращенцы, представляющие реальную опасность для своей семьи и общества, но и просто слабые представители мужского пола, так и не сумевшие стать главой семьи. Последних почти половина и все они, вне зависимости от списка, в котором числились раньше, — гаммы.

Идеальное деление на касты в зависимости от реальных или выдуманных заслуг, легко реализуемое в обычной жизни, в тюрьме превратилось в утопию. Право сильного никто не отменял. Впрочем, как и право выбора позиции. Мальчик-учёный из Платинового списка не стал бы доминировать в мужском коллективе никогда. Ему это попросту не нужно. Можно вынудить сильного стать слабым, но сделать слабого сильным в человеческом зверинце почти невозможно. Ночью Ад живёт по своим правилам.

Заключённым Ада нечего терять — они знают, что никогда не выйдут на свободу. И в тюрьму другого режима их не переведут. Даже убийство здесь карается ограничением питания (ха, кто мешает отобрать тарелку у соседа?) и запретом на пользование вспомогательными услугами. Досадная мелочь, которая лишь добавляет пикантности одинаковым будням.

Поэтому постояльцы Ада и начали убивать ради удовольствия. Хамам с бассейном и массаж большинству заключённых надоел давно, а вот магические ритуалы приобщения и жертвоприношения заставляют бурлить кровь в их венах.

Именно так Артём описал мне жизнь в Аду во время нашего последнего разговора. И он оказался прав, хоть и не был в тюрьме никогда. Местные альфы всегда очень агрессивно встречали всех представителей Платинового списка. Они старели и боялись потерять своё доминирующее значение в тюрьме, поэтому для них очень важно сразу зафиксировать новенького в позиции подчинения. Первый этап — предложение стать бетой (прислугой, чем-то типа секретаря). В случае отказа — смерть.

— Как вы себя чувствуете? — совсем юная девушка в белом халатике вошла в палату. — Мне жаль, но сегодня на завтрак каша.

— Нормально, — ударил её по попе, чётко следуя указаниям Артёма. — Я люблю кашу. Девушка. Настоящая. В больнице для заключённых. Она что, бесплодная? Наверно, так. Иначе, каким образом в условиях катастрофического дефицита особей, способных рожать, её угораздило оказаться здесь? Я не сразу поверил Артёму, что в больнице Ада медсёстрами работают девушки. Причём молодые и красивые.

— Доктора позови, — крикнул медсестричке вслед, когда она зарделась и сбежала.

Мне, правда, очень интересно, зачем они здесь.

— Обезболивающего добавить? — врач стоял над моей головой и колдовал над капельницей.

— Нет, спасибо. Скажите мне, откуда в вашем заведении настолько прекрасные нимфы? — мечтательно произнёс я.

И не обманывал его не капли. Моя медсестричка была действительно прехорошенькой — полные губы, манящий взгляд, точёная фигурка. Умел бы я рисовать, непременно предложил бы ей стать моей моделью.

— Вы про Варвару? Её списали ещё подростком, потому и обучили на медсестру. Матка недоразвита. Любая беременность закончится неудачно. Знаете, это очень большая проблема. С каждым годом таких дефективных девочек рождается всё больше. Ну, про то, что самих девочек рождается всё меньше, вы и без меня знаете. Как самочувствие?

Было заметно, что доктору приятно общаться со мной. И дело не в Платиновом списке, а в чём-то другом — при пробуждении он поспешил сбежать, а сейчас приступил к осмотру и явно хочет задержаться.

— Хорошенькая, да? Сам бы взял, но, увы, запрещено. Нельзя расходовать сперму на особей, не годных к оплодотворению.

— Она девственница, да?

— А как иначе? Как иначе? Конечно!

— Никто из мужчин её не захотел? Даже в Раю?

— Фу! Как вы могли о таком задуматься? Конечно, невинность весьма привлекательна для многих мужчин, но мы же понимаем свою гражданскую ответственность, — он подмигнул мне и глубоко вздохнул. — Власти считают, что у таких как Варя нет права удовлетворять плотские инстинкты мужчин. Увы...

— Но почему она тогда здесь? В больнице, при тюрьме. Её ведь могут изнасиловать в любой момент. Нам всем здесь нечего терять.

— Изнасиловать? Голубчик, окститесь, вы в Аду.

Мой вопрос заметно испугал его. Доктор поправил простыню, прикрывающую моё голое тело, и очень быстро ушёл, забыв попрощаться. А я ждал возвращения Вари. Артём обещал помогать мне и пока держит своё слово — кто-то очень вовремя сообщил охране о том, что я истекаю кровью на кресте. За ночной жизнью заключённых не наблюдают и не вмешиваются во внутренние конфликты, оставив всё на усмотрение альфа. То есть, меня должны были найти только утром. Мёртвым.

А теперь медсестричка Варя. Она не просто в моём вкусе, а почти женщина мечты. Короткая стрижка, узкие бёдра, небольшая грудь. Я не сразу разглядел в ней это. Но есть и минус — она, безусловно, девственница. Иначе не покраснела бы так от банального шлепка по попе. Мне страшно прикасаться к ней, как и к Жанне когда-то, но я должен это сделать, иначе мне придётся вернуться в Ад навсегда.

— Ты классная, — попробовал сделать комплимент, когда Варя принесла мне обед.

— Спасибо, — девчонка опять смутилась. — Можете повернуться на бок, мне нужно поменять вам бельё.

— Давай после ужина, а сейчас помоги мне дойти до туалета.

Вот с этой задачей она справилась профессионально. Несмотря на хрупкое

телосложение стала мне уверенной опорой при ходьбе, без стеснения расстегнула ширинку, взяла член в руки и помогла справиться нужду.

— Спасибо.

— Да не за что. Уж лучше так, чем утки выносить. Вам что-нибудь ещё нужно?

«Заставить свой член встать на тебя, несмотря на боль и слабость» — подумал я, но не стал произносить вслух.

Вдруг я ошибаюсь и то, что к моей палате приставили прехорошенькую медсестричку, всего лишь совпадение. Да и сам Артём не обещал, что Варя добровольно даст мне и поможет поднять пенис.

— Нет. Я устал и хочу спать, но вечером мне нужно принять душ, — начал говорить с ней вальяжным тоном.

Хоть я и заключённый, но тюрьма моя необычная. Варвара ниже меня по социальному статусу. Всего лишь медсестра. К тому же женщина, неспособная рожать. Нет смысла быть с ней слишком милым.

— Знаешь, когда меня выпишут?

— Скоро. Может быть, даже завтра. Ваши апартаменты достаточно комфортны для полноценного восстановления, а больничные стены давят. Как только доктор убедится, что вашей жизни ничто не угрожает, вы сможете вернуться к морю.

Теперь понятно, почему пациенты тюремной больницы не насилуют медсестёр — они попросту слишком слабы для секса, да и обезболивающие в комплекте с успокоительными не очень хорошо влияют на и без того не уверенную потенцию. Нормальные мужики в Ад не попадают.

— Ты никогда не была на море? — она произнесла слово «море» так странно, что я не смог не уточнить.

— Вы что? Конечно, нет. Таким как я не место на пляже, — она испугалась, услышав мой вопрос, и поспешила ретироваться.

Что ж, жду вечера. Откладывать точно нельзя. Я чувствую себя, как ни странно, достаточно хорошо, а держать в больницах дольше необходимого минимума никто не станет. Меня действительно, даже несмотря на искусственную кому, в которой я провёл две недели, могут выписать уже завтра. Или послезавтра. В конце концов, я всё равно останусь под наблюдением врачей. А ещё альф Ада. Последних видеть больше не желаю...

Артём не терял времени зря — вечером того же дня, что я очнулся, в моей палате появился мужчина, представившийся надзирателем. Откуда у них всех такая тяга к анонимности? Жалоб, что ли боятся? Неужели так сложно назвать своё имя?

— Повторите ещё раз — вы настаиваете, что постояльцы Ада хотели казнить вас за приверженность семейным ценностям. Так?

Я в подробностях рассказал надзирателю обо всём, случившемся со мной после пересечения врат Ада. Немного приукрасил, конечно, особенно в той части, где меня приковали к кресту.

— Я не настаиваю, я точно знаю. Они хотели казнить меня за то, что я жену свою люблю.

— Принуждение к подчинению и половому акту с женщиной карается изгнанием из Ада, вы знали это?

— Разумеется. При заселении для меня провели краткий инструктаж, — я начал раздражаться. — Вы бы им ещё убивать запретили.

— Но вас же не убили! — радостно воскликнул надзиратель, захлопнул папку и собрался уходить.

Что он хочет от меня? Чтобы я признал вину в инциденте и отказался защищать свои права? Как послушный мул вернулся в свой домик на берегу и стал послушной бетой, выбравшего меня мужчины? Не дожждётся.

— Убьют, если вы заставите меня вернуться туда. Я ни за что не соглашусь стать прислугой.

Понимаю, что этот мужчина не из Платинового списка и будет даже рад, если меня опустят на ступень или две вниз. Люди завистливы и жестоки. Но не до такой степени, чтобы рисковать своей работой.

— Слушайте, молодой человек. Я занимаю должность надзирателя уже двадцать лет, за это время через мои руки прошли сотни жалоб, аналогичных вашей и все они были отклонены. Давайте не под запись, — он выключил камеру. — Я дам вам дружеский совет — смиритесь. Со временем вам понравится жить в Аду. Отзовите своё заявление.

О каком заявлении надзиратель ведёт речь? Я ничего не писал. Я и в себя-то пришёл совсем недавно. Значит, он владеет далеко не всей информацией и уж точно не уполномочен принимать решения. Прекрасно! Спасибо тебе, Артём. В этот раз я постараюсь не подвести тебя.

— Без камер продолжать разговор с вами не вижу смысла, — окатил его холодом, нутром почуяв ненависть к себе.

— Как скажете, молодой человек. Но я вас предупредил — ничем хорошим ваше сутяжничество не закончится. Всего доброго. Выздоровливайте.

Последнее его пожелание прозвучало очень зловеще. Впору было испугаться, но все мои мысли были посвящены в этот момент Артёму и Жанне. Чтобы не произошло дальше, теперь я точно знаю, что сделал всё для своей нежеланной супруги. Больше у меня нет долгов перед ней. Есть только чувство нежности и сострадания. В Раю ей придётся не сладко, я это точно знаю — девушек с горячим темпераментом там не любят.

«Прости меня, Жанна» — в сто первый раз мысленно извинился перед женой. — «Я

сделал всё, что мог», кроме...

Варвара! Меня волнует даже её имя. Мимолётное воспоминание о почти незнакомой девушке заставляет кровь бурлить в жилах, придаёт сил и энергии, возбуждает, вдохновляет, мотивирует.

— Дмитрий, я принесла ваш ужин. Вы хотели принять душ после? Мне остаться? — испуганно хлопает глазами, хотя появилась, как только я о ней подумал.

С чего бы это Варя так волнуется перед стандартной процедурой? Это тюремная больница. Здесь девушкам нечего бояться. Она невинна, как дитя, не нужно быть психологом, чтобы понять это. Но при этом она — медсестра и, должно быть, привыкла видеть тела обнажённых мужчин.

— Я не голоден, — хрипло прошептал ей в ответ. — Но в душ хочу. Прямо сейчас.

Девчушка слегка замялась, но вспомнила о своих обязанностях. Кивнула, отставила поднос с едой, скинула с меня простыню и помогла встать.

— Вы слишком тяжёлый. Я позову помощь, — пискнула и попробовала уложить меня обратно.

— Не надо. Я могу ходить. У тебя достаточно сильно накачаны бицепсы и плечи. Просто поддержи меня. Ты справишься.

Веду себя как последний козёл, лишая её путей к отступлению. Чувствую, как дрожит её тело. Атмосфера ужаса, появившаяся в палате, пугает и меня тоже. Ничего. Варвара — списанный материал без будущего и почти без пола. Возможно я — её единственный шанс почувствовать себя женщиной.

Позволяю Варваре усадить меня на табуретку в душевой кабинке, вымыть каждую складочку тела и, воспользовавшись удачным моментом, усаживаю на свой возбуждённый член.

Естественно, промахиваюсь. Она плюхается на мои мыльные коленки, пытается выскользнуть, но я крепко удерживаю её за грудь.

— Варь, не сопротивляйся. Это не больно — это приятно, — игра в пациента и медсестру с каждой секундой доставляет всё больше удовольствия.

Девушка бьёт меня по лицу со всей силы, а сил у неё хватает — таскать тяжёлых больных разной весовой категории, не каждой дано. Очухиваюсь. Злюсь. Заламываю ей правую руку, прижимаю к стене. Мне нравится её сопротивление. Нравится, что она кричит. Придушиваю её слегка, слышу хрипы...

Левой рукой притягиваю её бёдра к себе, вынуждая прогнуться. Азарт. Страсть. Похоть. Животная похоть. Беру её сзади, игнорируя вопли и мольбы о помощи. Пусть кричит, сколько хочет. Меня это только возбуждает. Я же не убиваю её — я пытаюсь сделать ей приятно. Дать то, что никто и никогда не должен был ей дать. Секс! Настоящий живой секс. Не резиновую игрушку, а истинное единение тел и душ. Она же списанный дефективный экземпляр. Полу мужчина, полу женщина. Жанна приняла меня неопытного в себя на глазах у толпы людей, широко раскинув ноги, а эта почему сопротивляется?

На удивление, крови почти не было, но она воет от боли нечеловеческим голосом. Моя жена так не кричала. Нет, я осознавал, что Жанне больно, но... Тогда был первый раз и очень стрессовая ситуация. Вообще-то женщины, у которых сохранён клитор, должны получать удовольствие от совокупления. Какого сейчас происходит?

Самое время остановиться — я уже сделал своё дело. Кончил в неё, влил всю накопленную сперму. Зря потратил генетический материал, но, как бы то ни было, получил удовольствие от процесса. Хоть осадок от её воплей и остался. Неужели так сложно было просто расслабиться и получать удовольствие?

Хорошенькая медсестричка с зарёванным лицом отпрянула от меня. Скоро она напишет жалобу на заключённого, который лишил её невинности. Пусть будет так.

Девушка уползла от меня на четвереньках, как только я ей это позволил. Но выть не перестала. Я же её отпустил, в чём проблема?

— Варь, постой, — попробовал накинуть на неё халатик.

— Не трогай меня, не надо, — она вся сжалась в один напряжённый комок. — Не прикасайся.

— Ну ты чего? Это всего лишь секс. Им все взрослые люди занимаются.

Смотрит на меня с ненавистью, но ничего не говорит. Одевается очень быстро и пытается сбежать. Сам себя не узнаю — заслоняю ей дверь в последний момент, не позволяю выйти.

— Тебе не понравилось? — заглядываю ей в глаза и вижу боль.

— Нет! — кричит на меня, как ненормальная и пятится.

— Приходи завтра. Первый раз никому не нравится. Я научу тебя... любви. В нашей жизни так мало удовольствий.

Сам не мог поверить, что произнёс эти слова. И уж тем более, не мог довериться в полной мере своей эрекции, но Варвара волнует меня, я хочу её. Может быть, смог бы полюбить бы даже, будь у нас на то время и возможности.

Почувствовал, что хочу поставить её на колени и заставить сосать мой член. Прямо

сейчас. Даже применяя силу. Испугался собственных эмоций — Артём проклянёт меня, если узнает о том, что постепенно во мне пробуждаются первобытные мужские инстинкты. Надеюсь, эти реакции всего лишь последствия комы и совсем скоро я избавлюсь от подобных желаний.

— Пусти. Я хочу уйти, — медсестричка выпрямилась и неожиданно гордо вздёрнула голову вверх.

Девушкам такое поведение не свойственно, но я женат на Жанне, поэтому в этот раз не стал её останавливать, отошёл вбок. Пусть делает, что хочет. Возбуждение и жажда секса оставили меня, теперь я чувствую только одно — удовлетворение. Впервые в жизни я смог трахнуть женщину, не глядя на секс других. Для меня это почти подвиг. Конечно, её крики немного выбили меня из колеи, но она же дефективная.

Удивительно, но с Варей я совершенно не чувствовал себя виноватым. Девчонка сама напросилась. К тому же выхода у меня нет: единственный способ выбраться из Ада — доказать, что я пока плохо контролирую свои желания. Свалить всю вину на член и вернуться к жене, перед которой мне ещё долго стоять на коленях. Мы оба с ней по краю прошли. Нет, ещё не прошли — идём прямо сейчас. Я был плохим мужем, но очень постараюсь всё исправить.

А Варька — просто неблагодарная дрянь. Вместо того, чтобы гордиться тем, что понравилась мужчине из Платинового списка, она устроила истерику. Любая другая ласкала бы меня до утра, целовала ноги и просила не оставлять её. Так делали девушки из Рая.

В конце концов, врачебную ошибку никогда нельзя исключать, а надежда всегда умирает последней. Моя сперма могла подарить девчонке чудо — беременность. Конечно, возник бы ряд организационных проблем и ребёнка ей бы вряд ли оставили, но наверняка нашли бы мужа. Для работы в Раю она рылом не вышла — слишком простенькая, да и родословная у неё явно не на высшем уровне, но Дарья же мечтала забеременеть от меня. Значит, для женщин важен сам процесс, а не результат.

Ничего. Моя медсестричка вернётся завтра и ещё будет целовать мне ноги, умоляя о совокуплении. Даже без привязки к беременности, которая вряд ли наступит, я дал ей то, что никто из её пациентов не давал — секс.

На следующее утро Варя неприлично надолго задержала завтрак. Я уже было начал бояться, что мне поменяли медсестру и ожидал, что в палату войдёт какая-нибудь мужиковатая бабища с усами. Но нет. Моя невольная любовница вернулась. С подносом в руках и потупленным взглядом.

— Что-нибудь ещё желаете? — бледная какая, будто бы её всю ночь насильовала рота солдат.

— Желая. Секс. Оральный. Прямо сейчас. Мы же в Аду и мои желания — закон, верно?

Она вздрогнула, но ничего не ответила. Откинула простыню в сторону и послушно наклонилась над набухшим членом. Тот, почувствовав тепло её губ, начал таять, как мороженое на жаре.

«Ну же, давай, вставай!» — мысленно пытался заставить его подняться.

Бесполезно. Я чувствую, как её влажный язычок скользит по головке члена, мягкие ладошки ласкают бёдра, но ничего кроме щекоты её старания не вызывают.

— Всё, хватит, — резко оттолкнул её.

Слишком резко. Видимо, сделал медсестричке больно, потому что она забилась в угол палаты и разрыдалась. Вероятно, Варе кто-то рассказал о ценности секса с мужчиной или она сама смогла, отойдя от стресса, оценить полученные ощущения по сто бальной шкале и восхититься моими стараниями сделать ей приятно. Иначе к чему она так послушно исполнила мою просьбу? Почему не стала жаловаться и в ужасе не убежала из палаты, поняв, что я не оставлю её в покое?

— Не плачь. Я плохо спал сегодня. Завтра попробуем ещё раз и без прелюдий, — попробовал успокоить бедняжку.

Похоже, мне просто не нравится оральный секс. Я собственно всегда об этом догадывался, но с учётом ситуации именно он был максимально подходящим вариантом. В конце концов, мне всё ещё больно двигаться, а вчерашняя сексуальная борьба в ванной, лишь усугубила моё состояние.

— Серьёзно? Вы издеваетесь надо мной? Зачем? Что я вам сделала? — её рыдания усилились, девушка начала задыхаться.

И почему они все такие нервные?

— Ничего. Ты нравишься мне очень, но я женат. Мне стыдно изменять жене, поэтому во время секса возможны сбои. Понимаешь?

— А насильовать девушек не стыдно? Я простыни под тобой меняла, кормила тебя через катетер, чтобы ты не сдох под этими капельницами, а взамен получила боль и унижение. Повторю свой вопрос — за что?

Насильовать — это как? Принуждать, наказывать, бить при необходимости никакого отношения к насилию не имеют. Мужчина должен воспитывать женщину для её же блага. Где она только слово такое откопала и почему отождествляет вчерашний акт любви с изнасилованием?

— Мне казалось, тебе нужно тоже, что и мне. Я ошибся?

И влип по полной. Девчонке оказывается действительно не понравился секс со мной. А я сейчас выгляжу как полный идиот — сначала трахнул, а теперь даже эрекцию продемонстрировать на камеру не могу. Ничтожество!

Камера в палате есть. Даже три. В ванной комнате в том числе. Я нашёл их ещё вчера и сейчас неумело старался позировать, потому что за нами внимательно наблюдают. Не просто же так вчера мне позволили заняться сексом с медсестрой без предварительного согласования.

— Понимаешь, у меня есть некоторые особенности — я хочу посмотреть на тебя и твою подругу. У тебя есть подруга, которая хотела бы заняться сексом с женщиной? — очень вовремя вспомнил о своей маленькой, но очень эффективной слабости.

Варя покраснела, вскочила на ноги, заметалась по палате и сбежала. Но хотя бы истерика её закончилась. Причём моментально. В какой-то момент мне показалось, что ей даже понравилось моё неприличное предложение. Главное сейчас, чтобы оно судье понравилось. Уверен, Артём найдёт способ передать видеозапись в суд. А если не найдёт...

В принципе, в Аду не так уж плохо — хорошая еда, комфортное размещение, занимательная анимация с пытками для новеньких... Если бы постояльцы Ада соблюдали установленные требования и позволили мне стать альфой, я бы захотел остаться здесь навсегда. Впрочем, в роле гаммы мне будет неплохо тоже. В Платиновом списке я был совсем недолго и толком не осознал преимущества быть главным. Стать помощником альфы для меня не составит труда. Так что будь, что будет.

Стоило мне мысленно окончательно смириться со своей участью, как дверь палаты открылась, и вошёл незнакомый доктор с креслом-каталкой.

— Дмитрий, у вас на сегодня назначены процедуры, — дружелюбным тоном обратился ко мне, как и все остальные, не представившись.

— Меня же выписывать собирались, — прищурился посмотрел на него с ожиданием подвоха.

— Это не обычные процедуры, но, гарантирую, вам понравится, — врач прищурился в ответ.

— Супер, — позволил ему пересадить меня в кресло.

Длинный белый коридор с кучей дверей, лифт, минус первый этаж. Путь оказался недлинным. Я бы наверняка смог пройти его и сам, но пока не стоит показывать медицинскому персоналу своё истинное состояние. Всё же мышцы за две недели ослабли, да и последствия искусственной комы никто не может предсказать заранее. Пусть пока думают, что я немошен и нуждаюсь в лечении.

— Джакузи и сауна. Вам нужно разогнать застоявшуюся кровь, — доктор помог мне добраться до верхней полки в горячей парилке и оставил одного.

Как же приятно! Горячий воздух обжигает лёгкие, жар согревает тело до костей. Неплохо у нас заботятся о захворавших заключённых Ада... Ну всё, хватит! Уже дышать сложно. Я же только после комы. Может, они в могилу меня хотят свести? Вряд ли — дверь в сауну не заперта.

Пришлось немного поднапрячься, чтобы спуститься вниз и добраться до джакузи с прохладной водой. Но у меня получилось.

Я буквально на секунду закрыл глаза, а когда открыл, передо мной появились две девушки, которые ласкали друг друга и целовались в засос. Одной из них была Варвара...

Сначала я на них просто смотрел. Потом коснулся бедра Варвары, почувствовал, как она вздрогнула и напряглась. Напрягся вместе с ней, уверенно схватил за талию и привычно взял сзади. Девчушка тихо пискнула, но не сопротивлялась в этот раз. Зато её подружка чуть не закричала, в последний момент прикрыв свой рот ладонью. Выглядела такой испуганной и ошеломлённой, что я не удержался — оставил Варю и переключился на неё. Вырывается, как бестия. Будто я ей не радость секса с мужчиной хочу доставить, а убить и утопить в этом джакузи. Пузырьки щекочат тело, её сопротивление и вопли доводят до экстаза. Раньше я и подумать не мог, что мне так понравится причинять боль.

Вода в джакузи окрасилась в красный цвет, когда я одним резким движением лишил её девственности. Какие они неполноценные? Очень даже. А спермы мне совсем не жалко. Пусть почувствуют настоящего мужика внутри себя, испытают оргазм, почувствуют себя женщинами...

Варвара, услышав вой подруги и увидев кровь, попыталась оттащить меня от неё.

— Остановитесь, пожалуйста. Не видите, её больно!

Вижу. И поэтому возбуждаюсь ещё больше. Пусть кричит громче. Разбудит всю больницу. Что они мне сделают? Я уже был в Раю и прекрасно знаю, что согласованное насилие поощряется правительством. У многих мужчин есть извращённые фантазии. Моя фантазия — принуждение к сексу девушек. Желательно двух. А, может быть, даже трёх сразу. Женское сопротивление меня заводит.

— Валите отсюда обе. Сейчас! — выгнал девушек сразу после эякуляции.

Варя помогла своей подружке вылезти из джакузи, как смогла, следы первого секса с её бёдер белым полотенцем и утащила в предбанник. А я продолжил принимать ванну, наполненную кровью девственницы — Артём будет доволен. Никто после такого не обвинит меня умышленном нарушении правил. Пусть думают, что я не могу контролировать себя, когда вижу женщин. Быть слишком активным и иметь фантазии не возбраняется. Две девственницы за короткий срок, да ещё и сразу после комы, плюс одна Даша, которая, надеюсь, исполнила свою мечту и забеременела от меня. Разве нормальный человек опустится до такого сразу после свадьбы?

Мой сексуальный подвиг, предсказуемо, не остался незамеченным. Надзиратель, во время второго посещения, безрадостно рапортовал, что я амнистирован и смогу вернуться к жене, как только завершу курс мужественности. Эта новость обрадовала меня и огорчила одновременно. Убивать уток совсем не хочется, но есть такое слово «надо». Придётся себя заставлять. Слишком многое мне пришлось пережить, чтобы сейчас сворачивать с пути.

И у меня на удивление легко получилось — я убил. Утку, зайца, лису и лося. Моя рука не дрогнула, когда я нажимал на курок, а в крови бурлил адреналин. Мне понравилось не только принуждать женщин к сексу, но и убивать.

После завершения обучения, я сам стал учителем. Инструктаж новобранцев и персональный курсант, которым оказался subtilный очкарик, с вечно дёргающимся левым глаз. Это нервный тик? Он так сильно боится? Даже думать не хочу о том, как парень будет пускать пулю в лоб кабана. Такой даже котёнка утопить не сможет.

Последняя мысль испугала меня самого, ведь совсем недавно и я сам не мог убить

живое существо. Произошедшие внутри меня изменения будоражили, но и пугали. Нет больше Митьки, есть Дмитрий Островский. Писатель, муж, будущий отец и яркий представитель элиты. Достойный член Платинового списка.

Впрочем, о сексе с Жанной мне пока даже думать неприятно. Ума не приложу, как буду исполнять свой супружеский долг. Я не хочу жену, мне хочется чувствовать, как лопается девственная плева под напором моего члена, как извивается женское тело, прижатое моей рукой к постели, как стон стыда и страдания вырывается из её уст... Я подсел. Хочу продолжения. Вернуться в больницу Ада, заполненную списанными из-за бесплодия девственницами и дефлорировать их всех...

Я испугался своих фантазий по пути домой и испугался ещё больше, когда в ночи ко мне в спальню ворвался Артём и разбил бутылку с виски прямо над моей головой.

— Ты что творишь? — прошипел он.

— Делаю то, что от меня хотят, — спросонья пробубнил я.

— Они хотят сделать из тебя монстра. Каким ты будешь отцом для моих детей? — он отчитывал меня, как нерадивого сотрудника.

При этом в его словах сквозить отчаяние и боль.

— Островский, что с тобой случилось? — он отошёл к окну и закурил.

— Ничего. Я просто убил лося, — окончательно проснулся и открыл окно, чтобы спальня не пропиталась дымом.

Завтра мне обещали вернуть жену. Не хочу, чтобы будущая мать моих детей дышала запахом сигарет.

— И изнасиловал двух медсестёр, — продолжил отчитывать меня Артём. — Она же заботилась о тебе, а её подружку ты вообще видел в первый раз.

О чём он говорит? Варю сам же мне подсунул. Что не так я сделал? Взял женщину традиционным способом? Да, я не опытен в этом вопросе и мог причинить ей дискомфорт, но как иначе? Первый раз — это всегда кровь и страдание.

— Меня не хватило на вторую, — кажется, я догадался, о чём говорит Артём.

— И хорошо! Бедная девочка и без того настрадалась от твоих сексуальных аддикций.

Аддикций? О чём он говорит? Я не страдаю зависимостями...

— Тогда в чём причина претензий? Я не понимаю...

— Не понимаешь? Тебе нравится причинять боль. Ты совсем не чувствуешь обратную связь. Я полагал, что ты любишь детей, не приемлешь насилие и терпимо относишься к женским заморочкам. И ошибся.

— Ты не ошибся, нет, — почувствовал себя виноватым.

Артём открыл бутылку водки из холодильника, налил немного в стакан. Потом добавил томатный сок и выпил всё до дна. Повторил коктейль ещё и ещё раз. Четвёртый протянул мне, но случайно уронил. Красное пятно растеклось по светло-бежевому ковру. Я с места не сдвинулся, чтобы убрать пока ещё не впитавшуюся жидкость — завтра Жанна вернётся и всё приберёт.

— Выкинь его, — Артём сам поднял стакан и решил судьбу ковра.

— Выкинуть? Он стоит космос. Моя жена..., - я осёкся, увидев недовольный взгляд друга.

— Твоя жена не твоя рабыня. Забудь всё то, что тебе навязывали. Она мать наших будущих детей. Мадонна. За закрытыми дверями ты должен преклоняться перед ней, а не грязные носки в лицо кидать, запомни. Всё, что ты имеешь сейчас, даровано мной и... Я могу отнять у тебя всё. Пожалуйста, не давай мне повода.

— Я не собирался. Но Жанна с таким старанием намывала полы, что я подумал...

— Подумал, что ей нравится мыть полы? Их так воспитывают, не злоупотребляй. Наши дети должны вырасти в здоровой семье без новомодных веяний. Знаешь, сколько трудов мне стоило добыть для тебя Жанну? В современном мире почти все женщины — патологические жертвы, которые ждут и даже хотят насилия над собой. Их матери так жили, их в школе так учили, другой жизни они не представляют. Твоя жена не такая. И ты не такой. Забудь всё то, что тебе внушали, ладно?

— Ладно, — нехотя произнёс я.

Жанну вернут мне всего через несколько часов. Мне нужно научиться любить её хоть раз в месяц. Забыть о своих сексуальных фантазиях. Стать деспотичным мужем на людях как требует общество, и заботливым отцом семейства дома как требует Артём. Задача сложная и точно не для слабонервных. Особенно, если ты прошёл Рай, Ад и медные трубы в лице Артёма...

— Опять яичницу пережарил. Да сколько можно!

Жанну научили идеальному обслуживанию мужчин, но я никак не мог подумать, что её навыки могут обернуться против меня.

— Милая, я не могу контролировать жар пламени.

— А ещё ты не можешь слова мне поперёк сказать. Будь мужиком, в конце концов! Встань с кровати с утра, почеси яйца, рыгни и выдай: «чё есть пожрать?». Разве так сложно?

Она выкинула мой завтрак в мусорное ведро, но я не расстроился — скорее, порадовался. Пусть истерит, сколько хочет. Главное, чтобы с сексом не приставала. Всё равно я не смогу её ничем порадовать. Возбуждаться на жену у меня не получается.

Артём раз в месяц передаёт мне с посылным немного своей свежей спермы в контейнере. А дальше всё просто — маленький переносной холодильник, работающий от аккумулятора, лишённая сознания жена, в вечерний чай которой я добавил лёгкое снотворное и обычная спринцовка, с помощью которой сперма оказывается в её влагалище. Вот только результата мои манипуляции не приносили.

После нескольких неудач я по рекомендациям Артёма попробовал освоить кунилингус. Если член отказывается подчиняться и выполнять супружеский долг, то язык всегда

послушен и делает то, что должен. Нет, я не облизываю её, когда она спит, но рано утром, после пробуждения... Ей приходится соглашаться. И в последнее время у меня начало получаться.

Я вижу, как изгибается её тело, хриплый стон вырывается изо рта, чувствую сокращения стенок вагины, помогающие сперматозоидам добраться до яйцеклетки. И мне нравится делать с ней это. Чувствую себя волшебником, зарождающим новую жизнь в её утробе.

Претензий со стороны властей пока нет. Я выполняю свой долг, пусть не совсем так, как велено, но выполняю. В безопасные недели Жанна получает порцию моей спермы, добытой с помощью мастурбации. И утренний оргазм тоже. О последнем Артём не знает, как и о том, что я сохраняю своих сперматозоидов — он думает, что наш импровизированный секс с женой полностью безопасен: семя находится в тепле несколько часов, тело Жанны не испытывает оргазм. Простой отчёт перед проверяющими органами. Чистая формальность, от которой дети точно не родятся...

Вот только я не готов отдать лоно своей жены другу. Мне хочется видеть в ребёнке свои черты, а не Артёма. Я ревную Жанну. Очень. К чужой сперме сейчас и к чужому плоду в утробе в будущем. Мои чувства к ней неоднозначны, но меньше всего напоминают любовь. Если она родит не моё дитя, я её возненавижу.

Единственный способ сохранить хоть сколь-нибудь ровные отношения между нами — это сохранить тайну отцовства. Я смогу убедить себя, что воспитываю своего сына. Артём уверен, что малыш от него. Жанна ничего не знает — она спит, когда я над её телом колдую. И все счастливы.

— Всё, с меня хватит, я уезжаю к маме, — она сделала себе бутерброды, съела их и категорично заявила о нашем расставании.

— Солнышко, ты же знаешь — тебе нельзя приближаться к родителям, — я не могу сопротивляться её агрессивному давлению.

— А тебе нельзя называть меня солнышком. Что они мне сделают? В монастырь отправят? Ха! Я фертильна. Мне подберут нового мужа. Нормального.

— Лет сорока-пятидесяти, достаточно взрослого и достаточно зрелого, чтобы воспитывать жену кулаками.

— Дим, ты не понимаешь. Я — живая женщина и мне нужны чувства. Хоть такие. Я понимаю, ты стараешься, но у нас ничего не получается. Мне нужен секс, любовь, страсть. Не вот эти вот твои сопли и оральные ласки как по расписанию. Ты думаешь, я сплю ночью, когда ты заливаешь в меня сперму? Думаешь, мне приятно понимать, что моего мужа унитаз возбуждает больше, чем я?

Хотел возразить ей, что предпочитаю ласкать себя в душе, но не стал. Какая разница, где и как я делаю это? Жанне тяжело. Страшно представить, что ей пришлось пережить во время нашего медового месяца и после него. Она до сих пор мне так и не рассказала, куда её поместили и что заставили вытерпеть. Впрочем, я не сильно настаивал на откровенности — мне проще не знать ту сторону женской жизни.

— Я не пущу тебя. Ты погубишь нас обоих, — перегородил жене дорогу.

— Хорошо, я останусь, но при одном условии — в эту пятницу мы посетим одно закрытое мероприятие, — Жанна загадочно улыбнулась...

Я полагал, что жена хочет затащить меня в оперу или театр, и уже подготовил речь, чтобы попытаться уговорить её на балет — обожаю девушек в колготках. Но Жанна хранила интригу до конца недели, отказывалась отвечать на все мои вопросы о предстоящем мероприятии.

В пятницу вечером сама вызвала такси, назвала водителю неизвестный мне ранее адрес и хитро подмигнула:

— Надеюсь, ты принял душ и надел чистые трусы?

Не стал ей отвечать — покосился на таксиста, который наверняка слышал её слова. Тот заметил мою реакцию и снисходительно улыбнулся. Получается, он знает, куда нас везёт и это точно не театр и не опера. Тогда что? Впрочем, какая разница. Я в платиновом списке и для моей семьи открыты все двери. Если повезёт, получится сегодня повеселиться. Если нет — буду терпеть и считать минуты ради жены и будущей матери моих детей.

Мы ехали долго. Слишком долго.

— Ты решила похитить меня? — взял жену за руку и поцеловал её.

Я не могу быть страстным любящим мужем, но могу быть галантным и приятным. Это обстоятельство Жанну страшно бесит, но и доставляет удовольствие. Я вижу.

— Я решила перевоспитать тебя, — прошептала мне на ухо и провела язычком по щеке. — Будь хорошим мальчиком и не убегай домой, ладно? Даже если тебе станет очень страшно, останься со мной. Пожалуйста.

— Ты заинтриговала меня. Неужели такси везёт меня напрямиком в Ад? — с улыбкой ответил ей, почувствовав приятное волнение от всплывших в памяти воспоминаний.

Мне позволили покинуть Ад, признав обвинение ошибочным. Хороший адвокат, связи Артёма, изнасилование Вари и её подружки сыграли свою роль. Но что стоит импровизированный секс с дефективными девчонками, против показаний законной супруги? Если Жанна сдала меня, поставила камеру в спальне и доказала властям, каким образом она получает еженедельную контрольную порцию спермы, то... Нет, она бы никогда так со мной не поступила. Мы с ней в одной лодке и либо выгребем вместе, либо пойдём ко дну. Я так думал до последнего. До того, как она сказала о том, что хочет любви, пусть и в извращённой форме.

Таксист остановил свою машину у двухэтажного здания, построенного в колониальном стиле, территория которого почти не охранялась. Мероприятия для Платинового и Золотого списка — запретный плод, за которым обычно охотятся сотни людей, несмотря на жёсткое наказание, предусмотренное за нарушение градации общества. Сколько раз я видел, как охрана выводила проникнувших неизвестно как нелегалов, поэтому все места закрытых сборищ были хорошо защищены. А в этом месте всего лишь хлипкий забор и усатый пожилой консьерж на входе, приветствующий гостей.

— Дмитрий, Жанна, добро пожаловать в наш театр, — пафосно произнёс мужчина и распахнул тяжёлую дверь.

Откуда он знает наши имена? Лично я никогда раньше его не видел, а Жанна почти не выходит из дома. Похоже, какой-то небольшой любительский театр. Поставят что-то экстравагантное и очень современное, с претензией на оригинальность, а я как всегда засну

ещё в первом акте. Вот! Уже потянуло на зевоту. Но её как рукой сняло после того, как я увидел интерьеры «театра».

В небольшом фойе толпилось около пятидесяти зрителей, распивающих дорогое шампанское. Женщины в вечерних платьях, мужчины в смокингах, как и мы с Жанной. С первого взгляда ничего особенного в этом театре не было, но... При входе в зрительный зал все раздевались донага. Зоркая старушка в больших круглых очках внимательно наблюдала, чтобы ни одни, даже самые маленькие трусики, не проскочили мимо неё. При этом гости совершенно не испытывали смущения: вот они ведут светскую беседу, расположившись у дорогой портьеры, пьют шампанское, закусывая крохотными канапе и через пять минут уже помогают друг другу раздеться, чтобы пройти в зал.

— Первый звонок, Дим. Нам пора занять свои места, — Жанна уверенно пошла к входу в зрительный зал.

— Давай уйдём отсюда, — схватил её за руку. — Сходим в ресторан, ночной клуб, куда захочешь.

— Я хочу увидеть этот спектакль, и ты обещал мне. Если уйдёшь сейчас, то больше меня не увидишь, — с милой улыбкой прошептала мне на ухо.

Мероприятие, на которое притащила меня жена, не было похоже ни на что, из виденного мной ранее. Здесь были голые женщины и голые мужчины. Это пугало. Даже в Раю девушки были одеты, пусть и очень откровенно. Во время коллективного секса они не обнажались до конца, а мужчины пытались прикрыть их прелести, насколько возможно.

Сейчас же мне пришлось снять с себя всю одежду в толпе людей. Раздеваться, когда на тебя смотрят чужие жёны, мягко говоря, дискомфортно. Подобные ощущения последний раз я испытывал на собственной свадьбе, но тогда рядом был Артём и его партнёрша, к тому же выхода у меня не было. Сейчас же я повёлся на провокацию девчонки — своей жены и могу уйти в любой момент.

Да, повёлся. Даже трусы снял, немного поколебавшись. Жанна старательно делала вид, что совершенно не смущена, но я заметил как порозовели её щёки. Ей тоже не нравится участвовать в этом странном перформансе.

— Дорогая, уйдём отсюда, — повторил свою просьбу, когда мы оба были полностью обнажены.

— Вот ещё, — фыркнула она и одёрнула портьеру, загораживающую вход в зрительный зал.

Я осторожно заглянул внутрь, ожидая увидеть буйство разврата и свальный грех. Но нет. Зал действительно был похож на обычный театр — сцена, вокруг которой расположились обнажённые зрители, оркестровая яма с голыми музыкантами. Бодрые старушки, почему-то в одежде, помогли вновь прибывшим найти свои места.

— Пожилые женщины должны находиться в монастыре. Что они забыли на этом крамольном мероприятии? — ворчливо прошептал Жанне на ухо.

— Тсс, — она приложила указательный палец к губам. — Это маленький секрет. Всё, что ты сегодня увидишь и уже видел должно остаться между нами.

— Тридцать четыре А, тридцать четыре Б, — мелодично рапортовала старушка годным баритоном. — Напомню вам правила — покидать свои места запрещено. Приятного вечера.

Места для зрителей в этом странном театре были настолько же необычны, как и сами зрители — они представляли собой двухместную кушетку, заваленную подушками. Рядом стоял небольшой столик, сервированный двумя бокалами, бутылкой шампанского в ведре со льдом и лёгкими закусками.

— Если пожелаете что-то ещё — нажмите эту кнопку, — старушка зажгла свечи и удалилась.

Когда вспыхнувшее пламя зажигалки осветило её лицо, я заметил следы недавнего бритья.

— Она мужчина? — с удивлением посмотрел на Жанну, которая уже разлила шампанское по бокалам.

— Да. Ты же не думал, что Сергей Васильевич похищает женщин из монастыря? Бритые пожилые мужчины могут быть похожими на женщин. Начинается.

Мне и в голову не приходило, что старцы, в силу возраста лишённые возможности получать удовольствие от еды, секса, алкоголя и ночных развлечений, могут додуматься сбривать бороды. В обществе к ним принято относиться с почтением и состраданием. А ещё терпимостью к их недостаткам. Плохому запаху, например, или неподобающему поведению.

В этом заведении старцы будто бы вторую жизнь обрели. Бритые, строгие, шустрые. Не удивительно, что я их за старушек принял. Интересно, почему всем мужчинам не позволяют работать в подобных местах хотя бы раз в неделю? Лично мне показалось, что местные старцы в разы счастливее всех остальных.

Раздался третий звонок. Свет погас, музыканты заиграли громче и на сцене появились актёры. Классическая постановка «Ромео и Джульетты» первые полтора часа точно воспроизводила одно из известнейших творений Шекспира. В какой-то момент я даже расслабился, решив, что ничего особенного меня здесь не ждёт. Начал пить шампанское, есть фрукты, обнимать жену. При неровном свете свечей собственная нагота и нагота окружающих почти не смущали. Больше напрягало желание зевнуть, которое я с трудом сдерживал всё это время.

— Антракт, — прошептала Жанна, и в тот же миг включился верхний свет.

— Что они делают? — некоторые парочки без стеснения начали заниматься сексом у всех на виду и даже не думали останавливаться, когда электрическое освещение развеяло полумрак.

— Детей, разумеется, — Жанна равнодушно пожала плечами и вместе с другими

зрителями отправилась в фойе.

Я поспешил догнать её, чтобы не потерять в толпе голых мужиков и баб.

— Солнышко, постой. Давай уйдём отсюда, а? Мы же уже видели этот спектакль, — я обнял её и попытался прикрыть ладонями наготу, насколько это было возможно.

— Такой ты ещё не видел, — жена рассмеялась и прямо на моих глазах поцеловала чужого мужа.

Я ожидал, что начнётся скандал. Мужчине и его жене было уже около сорока или даже больше. У обоих приличный лишний вес. Если сейчас эта ста килограммовая туша вцепится в волосы Жанны, я просто не смогу её оттащить. Но женщина вместо возмущения посмотрела на нас с благодарностью — член её мужа немного привстал от контакта с юным телом моей супруги.

— Ты что творишь? Я не допущу измен в своём доме, — пришлось буквально оттаскивать не толстую женщину от Жанны, а Жанну от незнакомого мужика.

— А мы сейчас не дома. Успокойся, ты же слышал — покидать свои места запрещено и заниматься сексом с чужими партнёрами тоже. Мы собрались здесь все во славу рода человеческого, а не измен ради. И убери это кислое выражение лица. Сегодня сексом будут заниматься все пары, — она прильнула ещё к одному мужчине. — В рамках законного брака, разумеется.

Жанна за время антракта позволила облапать себя десятку чужих мужей. Они трогали её грудь, ласкали лоно, пачкали своими слюнями её губы. При этом ко мне ни одна девушка или женщина не подошла... Обидно. Я тоже мог бы возбудиться и, наконец, исполнить свой супружеский долг. Прозвенел звонок, все вернулись в зал.

Второй акт начался со сцены на балконе, вот только в какой-то момент что-то пошло не так. Актёры будто бы забыли оригинальный текст и начали импровизировать, не теряя рифмы. Ромео, подробно комментируя каждое своё действие, разорвал на Джульетте платье.

Джульетта упала на колени, произнесла короткий отрывок оригинального шекспировского текста и начала ласкать Ромео. Тот ожил, вышел из ступора и грубо повалил Джульетту на живот. В этот же момент Жанна села на меня, закрыв своим телом сцену. Я чуть не спихнул её на пол, но мой возбуждённый член нуждался в массаже. Неважно, каком и как. Главное продолжать смотреть на игру актёров, которые уже слились в экстазе.

Вместо того, чтобы оттолкнуть жену в сторону, я поставил её на четвереньки. Попробовал взять сзади, но она взвизгнула от боли и вся сжалась. Чёрт! У меня нет смазки. Ладно, не сопротивляйся, дорогая. Пусть будет так, как ты хочешь.

К дуэту на сцене внезапно присоединилась «мать» Джульетты. Зал взвыл! Расслышать её монолог было невозможно — все вокруг стонали и тяжело дышали. Жанна была права, в этом театре в каждой семье сегодня будет секс.

Я кончил очень быстро, как мне показалось. Даже слишком быстро. Слил в жену сперму до последней капли и только тогда вспомнил, что сейчас время Артёма — у неё наступили благоприятные дни для зачатия.

— Дим, ты куда? — Жанна устало потягивала остатки шампанского лёжа на животе.

— Домой.

— Но спектакль ещё не окончен.

Не стал ей отвечать. Забрал свою одежду, вызвал такси и велел водителю отвести меня к Артёму. Мне нужно признаться ему в том, что я сегодня натворил. Отменить спринцевание в этом месяце. У нас с ним договор. Всё, что у меня есть, получено благодаря ему — деньги, жена, оргазм. Если бы не наше случайное знакомство, я бы до сих пор был девственником, который мечтает о кривенькой женщине, в которую власти позволят вставить член, если судьба будет ко мне благосклонна.

— Дима? Что ты здесь делаешь? Мы же договаривались...

— Никто не должен знать о том, что мы знакомы. Но сам знаешь, какой завтра день.

— Хорошо, заходи.

Тема отцовства для Артёма важнее, чем я предполагал ранее. Он готов рискнуть своей репутацией, капиталом, жизнью, лишь бы ничего не сорвалось, поэтому впустил меня в дом, решив, что Жанна сделала тест на овуляцию, а сам заперся в туалете.

— Держи, — друг протянул мне открытый контейнер со своей спермой. — Крышка на тумбочке.

— Сегодня слишком рано, — закрыл контейнер, переборов брезгливость.

— В смысле? Зачем тогда ты пришёл? — Артём разозлился.

— Хотел поговорить с тобой, — не знаю, что ему сказать.

— И всё? То есть сегодня слишком рано, а через три дня будет слишком поздно. Для меня. Я не успею восстановиться. Зачем ты приехал ко мне сегодня, Дим? Знал ведь, что у меня воздержание начинается за неделю до оплодотворения.

— Слушай, может, её к врачу сводить? У тебя ведь наверняка есть знакомые, способные заделать ей ребёнка лучше, чем я.

— Фу, так пошло! Ты ведь не трахаешь её, верно? Я не прощу тебе предательство, Островский.

— Нет, конечно, — мой голос дрогнул.

Надеюсь, Артём этого не заметил.

— Хорошо, — он закурил. — Никто не должен знать о нашем маленьком обмане. Знаешь, люди настолько подлые животные, что доверять можно лишь тем, чья жизнь зависит от тебя. Вот, например, твоя жизнь полностью создана моими руками. Я её породил, я же могу её и уничтожить. Ты же не хочешь отправиться обратно в Ад?

Меня передёрнуло от его слов. Артём опустил до дешёвого шантажа? Прямо сейчас угрожает мне тем, что если я оступлюсь, он уничтожит меня? Отправит на пожизненную зону, которой правят маньяки? Желание рассказать другу о том, чем мы с женой занимались буквально пару часов, назад окончательно пропало. Пусть думает, что избранная им женщина неприкосновенна.

— Дим, не грусти. Коньяк, виски? Со льдом, я помню, — Артём сам выбрал мне

напиток, не дожидаясь моего ответа. — Держи. Я же говорил тебе, что рано или поздно ты захочешь стать отцом? Понимаю, как ты себя сейчас чувствуешь. Она твоя, но родить должна от меня. Понимаешь?

— Понимаю. Я не филоню, честно. Сам не понимаю, почему она никак не беременеет.

— Прошло слишком мало времени, это нормально. Просто наберись терпения. Мне нужен всего один ребёнок. Сын. Наследник. Второй, третий, десятый... У тебя будет столько детей, сколько захочешь. Наберись терпения, ладно? Методику ты освоил.

— Я не хочу детей, — хмуро посмотрел на него.

— Вот и чудненько. Если что — я не против и парочки сыновей. Или тройки. И, чем чёрт не шутит, может судьба нам девочку пошлёт. Жизнь такая непредсказуемая...

— Жанна может не захотеть так много детей.

— Её мнение никого не интересует. Она будет рожать так часто и так долго, как мы решим.

— Что?

— Что слышал. Тебе пора. Жена ждёт. И пусть эта стерва знает своё место. Жаль, что ты не окончил курс молодого мужа и не до конца понял их подлую сущность. Но эту проблему мы можем исправить.

Я думал, что к нам с Жанной направят психолога, который опять будет доказывать мне неполноценность её пола, подлость женского мышления и прочие бла-бла-бла. Но нет. За мной приехали люди в форме, посадили в автомобиль, отвезли в аэропорт. Длинный перелёт и возвращение в лагерь с палатками. Сначала мне показалось, что они хотят начать всё с начала — опять будут учить меня стрелять и выживать, а потом убивать. Но нет. Последний этап курса молодого мужа предполагал обучение вчерашних женихов. Для того, чтобы доказать свою силу и жёсткость, нужно не просто самому стать таким, но и научиться нести полученные знания и опыт в массы. Если со знаниями у меня всё было худо-бедно в порядке, то практического опыта катастрофически не хватало. Так что делиться «знаниями» будет сложно, а тут ещё и подопечного выделили...

— Егор, — неприлично худой парнишка в круглых очках неуверенно протянул мне руку.

— Дима. За что тебя сюда? — презрительно осмотрел его с ног до головы.

Никаких инструкций мне не дали, так что я посчитал нормальным выяснить причины, по которым другие мужчины оказываются сосланными в лагерь для неудачников.

— Сам не знаю. Я чётко следовал правилам, даже ударил её пару раз. Представляешь, эта особь отказывалась заниматься со мной сексом, ссылаясь на какие-то критические дни. Кровью меня захотела запугать, дрянь.

Егор злобно пнул пень, рядом с которым мы стояли. Потом поправил очки и дружелюбно улыбнулся. Не зря он мне сразу не понравился.

— Наверное, мне не стоило уродовать её лицо. Но девка и без того не была красавицей. Зато теперь она будет знать своё место.

— Ты изуродовал ей лицо?

— Ну конечно. Они же неполноценные. Я видел, как она смотрит на других мужчин на курорте и вздыхает. Мне же на работу ходить надо? Надо. Кто за ней присматривать будет, пока меня нет? Правильно, никто. Пришлось немного усовершенствовать её внешность, — парень хихикнул и хлопнул меня по плечу.

Я с трудом сдержал желание врезать ему по морде. Ну не урод ли? Надеюсь, бахвалится просто, чтобы не выглядеть слишком убогим на фоне остальных.

— Ты ей нос сломал что ли? Не волнуйся, врачи всё исправят.

— Не исправят, — Егор перестал улыбаться. — Я ей рашпилем глаз выколол и шрам на всё лицо оставил. Вот так — до губ, — он пальцем провёл по своей щеке, показывая траекторию движения рашпиля.

— Что ты сделал? — я не мог поверить своим ушам, ради дешёвого бахвальства никто такое придумывать не станет.

— Жену. Верную и послушную. Ту, которую мне должны были выдать. Вот скажи — зачем женщинам два глаза? Думал об этом? А я знаю ответ. Чтобы глазки строить! На месте властей я бы их всех уродовал ещё в младенчестве. Так было бы гуманней. Ты бы видел, как моя орала. Будто бы я её убиваю, а не улущаю.

— Власти им клитор отрезают. Тебе этого мало? — сжал кулаки, но не стал скрывать презрение.

— Конечно, мало! Операция не гарантирует отсутствие удовольствия от акта, да и многим женским особям не нужен оргазм сам по себе. Они хотят быть обласканными

мужчинами. Ты совсем ничего не понимаешь в их психологии. Какой из тебя наставник, Дим?

Да уж, не понимаю и никогда не пойму. Зато точно знаю — никто не хочет остаться без глаза с огромным шрамом через всё лицо. Рашпиль, серьёзно? Не скальпель, не битва, не нож... Рашпиль! Откуда вообще этот задрот знает о мужских инструментах?

Получается, в лагерь попадают не только слабаки и латентные гомосексуалисты, которые не хотят строить своих жён, но и те, которых нужно перевоспитывать наоборот. Учить быть мужчиной, не самореализовываться за счёт слабых. Мне до тошноты противен мой подопечный. Тем проще будет перевести его на второй уровень.

— Начнём тренировки прямо сейчас. Сколько раз отжиматься можешь?

— Что?

— Отжиматься, говорю.

— Зачем мне это? Я разработкой программного обеспечения занимаюсь.

Ага. Точно. Ботаник. Кто бы сомневался.

— Ты понимаешь, куда попал? Тебе придётся научиться стрелять, часами сидеть в засаде и быстро бегать. Посмотри на себя — ты даже охотничье ружьё в руках не удержишь. Ладно, ограничимся сегодня пробежкой.

Десять километров за три часа. Даже ребёнок пройдёт больше. Егор не бежал — он шёл. Пыхтел, задыхался, чуть не плача молил меня о пощаде и глотке воды. В какой-то момент мне стало жаль его, но его жену было жалче. Девчонка сейчас наверняка в больнице. Лежит в кровати, перемотанная бинтами, и боится в зеркало на себя посмотреть.

Девочкам с детства внушают, что внешность — самое главное в жизни, сразу после способности иметь детей. Жанна до сих пор не показывается передо мной без косметики. И это притом, что она сильно отличается от остальных! У неё была почти нормальная семья. Такая, какую и я хочу постараться создать для своих детей.

— Устал? Можем переночевать здесь.

На самом деле до лагеря меньше километра — я вёл его по кругу, но откуда об этом знать новичку? Пусть думает, что мы в глухом лесу и выбора у нас нет.

— Дим, Дмитрий. Я, правда, больше не могу, — Егор упал на колени и завалился на бок. — Мы же не в армии.

— В армии, сынок, в армии, — с иронией ответил на его мольбу и начал собирать сухостой для костра. — Здесь ещё и волки с медведями водятся. Зато у нас есть охотничий нож и зажигалка. Ты это, сухой мох собери для постели, а то простату заморозишь.

— Волки? — парень аж взвизгнул и подскочил. — Давай отдохнём немного и пойдём обратно в лагерь.

— Да ладно тебе, не ссы, — отвесил ему подзатыльник. — Они не опасней твоей жены. Если что, изуродуешь им морду рашпелем.

— Ирка-то здесь причём? У волков зубы, а у неё только наманикюренные ногти, — продолжил скулить Егор.

Ничтожество! Обижать слабых и незащищенных ему нравилось, а как представился случай встретить дикое животное в лесу, так он сразу девочку включил. Жаль, мне нельзя его придушить прямо здесь и прямо сейчас. Для его несчастной жены найдут другого мужа, явно лучше этого, потому что хуже просто быть не может. Но за убийство подопечного меня самого под суд отправят, попробую поправить его мозги не настолько радикальными методами.

— Наманикюренными ногтями она тебе вонзит нож в спину, будет класть крысиный яд в борщ, или закинет фен в ванну при случае. Ты инструкцию по эксплуатации внимательно читал? У них интеллект высокий и чувство собственного величия зашкаливает. Как думаешь, при таких составляющих особь женского пола простит тебе изуродованную внешность?

Чудик заморгал расширившимися от страха глазами. Мямлит что-то несуразное себе под нос. Мне пришлось серьёзно поднапрячься, чтобы разобрать его речь:

— Их же воспитывают. Ирка мне слова поперёк ни разу не сказала. И удовольствие во время секса изображала. Я потому и взбесился, что решил — её не до конца подготовили. Изгибалась же, кайфовала. Даже со мной. А если к ней накачанный мужлан подкатит? Неужто откажет?

— Откажет, конечно. Это она для твоего удовольствия притворялась. Их так всех перед свадьбой учат.

Я вспомнил Жанну и мои неумелые попытки заставить её испытать оргазм по совету Артёма. Моя жена тоже притворялась, или не притворялась... Нет. Надежды нет. Как и её клитора.

— Думаешь?

— Знаю. Моя такая же. Они все рождены для улады законного супруга и только. Секс не доставляет им удовольствия.

Больно было произносить эти слова. Сейчас я уговариваю не столько своего подопечного, сколько самого себя. Много лет я жил мечтой о браке, надеясь получить взаимную любовь, страсть и оргазм. Как долго обманывал сам себя уже после первой брачной ночи? Жанне не нравится заниматься сексом со мной, она не умеет испытывать возбуждение и мои ночные потуги были бессмысленны — она попросту притворялась. Как и другие женщины в театре. Все женщины в нашей стране. Кроме списанных медсестёр из больницы Ада.

— Дима, я не хочу ночевать здесь. Пойдём обратно. Пожалуйста!

— Обещай мне, что ты больше пальцем не тронешь свою жену.

— Обещаю. Только не заставляй меня... — в этот момент в лесу хрустнула ветка, Егор вскрикнул и прижался ко мне.

Я брезгливо оттолкнул его и решил вернуться в лагерь коротким путём. В плане воспитания решение было однозначно ошибочным, но терпеть этого морального уroda ещё несколько часов не было никаких сил. Пусть уже идёт в свою палатку и спит. Так будет лучше для всех.

— Ты обманул меня? Я буду жаловаться! — Егор начал орать на меня, когда понял, что

до лагеря было совсем близко.

— Не обманул. Здесь действительно много дичи, — оправдываться перед ним было противно, но только жалоб мне сейчас не хватало. — Попей водички и иди баинькать, завтра будет долгий день.

— А волки будут? — испуганно смотрит на меня.

— Ты из какого списка? — отвернулся и начал чистить от грязи обувь.

Егор ведёт себя как избалованный подросток, хотя ему явно больше двадцати. Детский максимализм, наивность, неоправданная жестокость. Что с ним не так?

— Из Платинового, разумеется, — он размазал соплю по лицу.

— Папочка протекцией обеспечил? — я развернулся, чтобы пойти к разожжённому костру, не собираясь дожидаться ответа.

Но парень свой ответ выкрикнул мне в спину:

— Мой папа — сантехник. Я сам. Всё сам! Ночами не спал — зубрил, зубрил, зубрил... Родители били меня за каждую четвёрку! Не только папа. И мама тоже. У меня по физре пять, веришь? Потому что учителю надоело видеть меня с избитым лицом после его уроков.

Я замер на месте, услышав его слова. У Егора сломан нос, именно поэтому я предположил, что он сделал то же самое со своей женой. Немного ошибся — мой подопечный пошёл дальше. Почему? Ответ он только что произнёс вслух.

Пока его одноклассники грезили браком с женщиной, выслушивали, как важна успеваемость и хорошая профессия для обеспечения семьи, он видел перед глазами мать с ремнём. Насилие над детьми запрещено, но никак не наказывается. Оно есть, но его будто бы нет. Как и насилия над жёнами, впрочем. Если нет серьёзного вреда здоровью, все будут закрывать глаза и верить очередному: «я сам ударился о стену». В моём классе тоже был подобный мальчик и мы всей школой верили в его неуклюжесть, хоть и понимали, что его синяки имеют рукотворную природу.

Насилие всегда порождает насилие, а власти его чуть ли не пропагандируют среди женатых мужчин. «Будь мужиком, доминируй, не позволяй жене поднимать глаз» для большинства легко трансформируется в «избивай и властвуй». Егор — жертва, а не психопат, как я думал ранее. По крайней мере, мне очень хочется в это верить. Надеюсь, он, научившись убивать животных, сможет сливать свою агрессию, копившуюся в нём с детства, на охоту. Животных мне тоже очень жалко, но его жену и будущих детей жалче...

В ту ночь я плохо спал, так до конца и не определившись, что делать дальше. Теоретически я могу слить курсанта — отправить Егора в Ад. Взамен мне дадут другого. Пройти третий уровень можно, только подготовив ученика для второго уровня. Количество попыток не ограничено, так что решение слить Егора кажется самым простым и гуманным. Нужно всего лишь забить на его тренировки. Изображать бурную деятельность, а потом грустно пожать плечами со словами: «Не получилось, бывает».

В Аду Егору будут рады. Он продолжит приносить пользу стране, реализуя свои таланты, и в то же время явно не сможет защитить себя от местных старожилов. Шах и мат! Одним выстрелом можно убить сразу двух зайцев — отправить психа к тем, кто его действительно перевоспитает и спасти изуродованную девчонку от дальнейших страданий.

Вот только если сам Егор не психопат, а жертва, то ситуация становится не такой уж и однозначной. Мне нужно подумать...

Я зря ворочался почти всю ночь тогда — мой подопечный в итоге сделал выбор за меня. Лагерь, в котором мы находились, действительно очень напоминал армию, вот только хорошую физическую подготовку от курсантов здесь никто не требовал.

Жить в аскетических условиях, хорошо стрелять и уметь ориентироваться в лесу — этими науками Егор овладел на удивление быстро. Пусть и по моей вине. Я сам не так давно попадал в Ад и врагу такого не пожелаю. Тем более, вероятной жертве абьюза. Пусть пройдёт испытания и вернётся к своей жене другим человеком. Он пройдёт, я в нём теперь почти не сомневаюсь — убить оленя сможет точно. И новенького воспитать тоже. А что будет дальше...

Даже думать об этом не хочу. Надеюсь, заброшенная мною мысль о страшной мести со стороны жены, укоренится и обростёт подробностями в его голове. Егор — трус. Это ничто не исправит. Ревнивый, эгоистичный, жалкий трус. Даже во время коллективных ночёвок в лесу, он продолжает бояться волков. Держит охотничье ружьё на плече и дрожит, ни на шаг не отходя от меня.

— Заканчивай, а? Завтра твой последний день здесь, — я не выдержал и попробовал заставить его вернуться в палатку.

— Будет обидно, если меня загрызут перед переходом на второй уровень, верно? — он даже в туалет за мной тенью ходит.

— В округе нет волков, я обманул тебя. А лично я даже лягушку убить не в состоянии. Вернись к костру. Там точно безопасней, — мой запас терпения постепенно подходит к концу.

— Ты обманываешь меня сейчас! — радостно воскликнул он. — Волки есть везде, а без убийства лягушки с оленем ты никогда не перешёл бы на третий уровень.

— Откуда ты это знаешь? — придавил его тяжёлым взглядом и расстегнул ширинку.

Егор растерялся. Начал бубнить себе под нос, что-то несурзное — я опять с огромным трудом разобрал обрывки его сумбурных фраз:

— ... сказал, что... нужно стрелять... утка... научиться убивать.

— И нормально разговаривать. Ладно. Завтра я возвращаюсь к своей жене, а ты, надеюсь, успеешь соскучиться по своей. И да, она — будущая мать твоих детей, не забывай. Твой отец бил твою мать, она била тебя. Ты бьёшь свою жену, она будет бить твоих детей. Твои дети будут бить своих жён... Круг замкнётся в бесконечную петлю. Ты хочешь этого? Чтобы твои сыновья пережили всё то, что пережил ты?

— Я не позволю ей этого. Если она только попробует, то...

— То что? Ты выколешь ей второй глаз и научишься сам готовить еду? Сам знаешь, что власти не позволят тебе причинять ей существенный вред, так же, как и не станут запрещать раздавать подзатыльники за невымытую посуду твоим сыновьям. Наоборот — тебя привлекут к ответственности за то, что недостаточно эффективно воспитываешь жену и не можешь создать в семье комфортный микроклимат. Насилие в семье фактически легализовано. Свой максимум воздействия на Ирину ты уже реализовал, ей больше нечего бояться и она может делать почти всё, что пожелает. За её проступки будешь отвечать ты. Вот только хочешь ли ты видеть страдания своих сыновей?

— Я убью эту мразь, если она позволит себе хоть слово грубое сказать моим мальчикам!

— Убьёшь. Не сомневаюсь. И отправишься в Ад. Ты знаешь, что это? Не сомневаюсь, знаешь. Работаешь на правительство, верно? Твоих детей отдадут твоим ближайшим родственникам тогда, и тогда они точно повторят твою судьбу. Если, конечно, твоя супруга не прикончит тебя раньше.

Я сделал всё, что мог и попросту сбежал от этой мрази. Спорить, доказывать, уговаривать не было ни сил, ни желания. Да и какой смысл? Его семья — это его семья. Я не могу изменить взрослого мужчину. Попробовать вразумить, посеять зерно сомнений в его голове — да. Изменить — нет. Он либо сам найдёт способ победить необоснованную агрессию, либо... Об этом даже думать не хочу. Сколько таких Егоров в России? Их всех не перевоспитаешь, как ни старайся.

Зато теперь я понимаю, почему Артём выбрал меня. Он понял сразу, что я идеализирую женщин настолько сильно, что из меня может получиться приличный муж и отец. От любования до возбуждения всего полшага, главное — антураж подходящий создать. Проблемы с потенцией теперь не кажутся мне настолько уж страшным грехом. В конце концов, моей жене секс тоже не нужен.

Мой подопечный сдал экзамен с первого раза. Не знаю, насколько хорошо я поступил — второй этап он пройдёт точно без проблем. Наверное, стоило «потопить» его. Заставить приходиться на пересдачу вновь и вновь. Я мог бы это сделать легко. Ничто меня не ограничивает. Лишить сна, нагружать физически до потери сознания, заставлять поднимать тяжести перед стрельбой. Вымотать человека физически так, чтобы он утром не мог и слова из лекции понять, а оружие из его рук вываливалось при отдаче. Но я тоже прохожу испытание. Своё. И задерживаться дольше необходимого никакого желания не испытываю. Жену моего курсанта очень жаль, но у меня есть своя жизнь и свои проблемы. Всех в этом мире не спасёшь...

— Поздравляю, — похлопал Егора по плечу, больше для галочки, чем по велению души.

— Спасибо. Я хотел сказать тебе... вам. Я не буду её больше бить. Мы — мужчины и должны защищать слабых. Пусть рожает и занимается хозяйством, как Великий Гуру завещал.

Неожиданно и приятно было услышать эти слова. Очень хотелось бы ему поверить, но сейчас он слишком счастлив и доволен собой. Рад, что не завалил испытания. В нашем обществе слишком много насилия и его невозможно искоренить просто словами. Егор, вероятно, пока и сам верит, что сможет стать хорошим мужем и отцом, но пройдёт время и... Даже думать об этом не хочу. Его семья — это не моё дело.

— Похвально. Пусть будет дочь, — решил хоть немного закрепить решение моего подопечного.

— Пусть будет дочь, — повторил тот, склонив голову.

Ненавижу эту пропагандируемую властями фразу и никогда не стал бы её произносить, но если Егор убьёт свою жену, её кровь будет и на моих руках тоже. Пусть лучше, как и многие мужчины, мечтает о рождении дочки и дополнительном гос. обеспечении.

Мы попрощались, наконец, и я сел в джип, который отвёз меня в аэропорт. Можно выдохнуть — всего несколько часов и я снова вернусь в свою жизнь. К жене, будущим детям и, самое главное, работе. Как же меня достала необходимость изображать из себя то, чем я не являюсь! И Платиновый список со всеми его преимуществами тоже.

Единственный способ хоть как-то приспособиться — это вспомнить, что я писатель и запереться в своей комнате. Там я смогу создать тот мир, который нравится мне. С розовыми единорогами, монстрами и богами, которые почти не вмешиваются в человеческую жизнь.

Это решение зрело в моей голове давно, но только сейчас я окончательно решился полностью покинуть реальность. Какое мне дело до Ада и Рая, монастыря и странных традициях, которые появились совсем недавно? Да меня даже генетическая принадлежность собственного, ещё не рождённого сына не интересует! Я слабый, ранимый мужчина, желающий только одного — обрести покой. Всё, что мне нужно — это крыша над головой и возможность писать. А ещё возможность увидеть мать, доживающую свой век в монастыре. Раньше я полагал, что ей там хорошо, но сейчас сильно сомневаюсь в этом. Хочу убедиться, что она в норме.

— Приехали, — таксист остановил машину прямо у моего дома.

Жанна выбежала встречать меня с тестом на беременность в руках. И как ей не стыдно?

Люди же смотрят...

— Привет, — она аж светится. — У нас получилось!

«У Артёма получилось» — чуть не выдал ей в ответ, но вовремя заткнулся и криво улыбнулся.

— Рад за тебя.

— А за себя ты не рад?

«За любовника своего, разве что»

— Очень. Устал после перелёта. Хочу отдохнуть.

— Я приготовила утку. И лёд для виски. Отметим?

— Да, спасибо... Чуть позднее. Мне нужно немного побыть одному.

Мне придётся объяснить ей, что теперь она сама по себе. Жанна умная женщина и должна отнестись к моему решению с пониманием. Я больше не хочу никого ни видеть, ни слышать.

— Я уверена, это твой ребёнок, — шепнула мне на ухо, пока мы заходили в дом, и сбежала на кухню.

Я резко остановился. Моя жена знает, что я заливал в неё не свою, а чужую сперму? Чёрт! Только этого не хватало... Конечно, она не может знать точно, от кого беременна, но вдруг это правда? Что если ребёнок мой? Артём узнает об этом непременно и... Даже думать не хочу, что он сделает. Мне всегда хотелось верить, что между нами искренняя дружба, но нужно быть совсем глупцом, чтобы не понять — я с самого начала нужен был ему в первую очередь для продолжения рода.

— Закончил? — Артём забыл о предосторожностях и ждал меня в спальне в первый же вечер после возвращения.

— Да, — ответил я, не очень обрадовавшись его появлению. — Что ты здесь делаешь? Ты же сам говорил, что нас не должны видеть вместе.

— Твоя жена беременна. Она уже сказала тебе об этом? — он глаз с меня не сводил, но тоже не выглядел сильно счастливым.

— Да, — я почему-то почувствовал себя виноватым перед ним.

Хотя почему? Жанна — моя жена, а не его. Я имею полное право стать отцом её первого, второго, да хоть десятого ребёнка. Рожать ей от другого мужчины или нет, решать только мне.

— Я решил, что кто не рискует, тот не пьёт шампанского. Хватит скрывать нашу связь. Теперь для всех мы — лучшие друзья. Пусть сплетничают о том, что ты мой протеже. Не важно. Зато я смогу приходить в твой дом в любое время, гладить Жанну по животу, перерезать пуповину ребёнку.

— Это уже слишком.

— Согласен. Дождусь выписки какнибудь.

— Что мы будем делать, если ребёнок будет слишком сильно похож на тебя?

— Ничего. Знаешь, сколько таких детей в стране? Я не могу иметь жену, но никто не будет карать меня за рождение наследников от чужих жён. Брак должен строиться на полном доверии между супругами и не уследивший за своей ветреной половинкой муж не имеет права никому предъявлять претензии.

— Ты серьёзно?

— Абсолютно. Я мог бы изнасиловать твою жену, если бы захотел, но, увы, я не хочу.

Платиновый список... Элита. Для себя они создали собственные правила. Рай,

легализованное насилие, театры секса и ещё кучу всего, о чём я пока не знаю. Мне казалось, что Артём помог мне взобраться на пьедестал, но он всего лишь приобщил меня к миру порока, разврата и женского унижения. Пока обычные люди ждут свой счастливый лотерейный билетик, мужчины из Золотого и Платинового списка ни в чём себе не отказывают. Только в Аду все они равны...

Детский плач разрушил очарование гнетущей тишины. Жанна в самый последний момент решила рожать дома, проигнорировав все мои возражения. У подъезда ждал реанимобиль, готовый прийти на помощь и отвезти её в больницу в любую минуту. Ещё один бонус Платинового списка — обычные мужчины лишены возможности выбирать, я же смог пойти на поводу у жены.

Думал, Артёма порадует возможность увидеть своего сына, сразу после его появления на свет, но ошибся. Он был в бешенстве, когда узнал, что я поддержал желание своей жены рискнуть жизнью его, как он думает, ребёнка. Орал на меня, угрожал, требовал отозвать своё заявление, но я был непреклонен.

— Ты сам хотел, чтобы я стал для неё хорошим мужем. И я стал. По крайней мере, стараюсь, — остановил его словесный поток, холодно чеканя каждое слово.

Здесь он не мог мне возразить — во время беременности я пылинки с Жанны сдувал. Выполнял все её просьбы, делал массаж, покупал всё, что она хочет. Благо законодательство позволяет исполнять прихоти беременных и кормящих женщин.

— Готов присутствовать на родах нашего сына? Тогда я умываю руки. Только не вздумай в обморок упасть и отвлекать внимание акушеров.

— Готов, — уверенно ответил я тогда.

Но чем ближе был предполагаемый день родов, тем больше я сомневался в своём решении. Рождение ребёнка вне больницы — достаточно редкая практика, доступная немногим. И всегда обусловлено желанием мужчины увидеть появление на свет своего сына в комфортных для него условиях. Так что мне придётся держаться до самого конца.

И я продержался. Почти. Сбежал на потугах. Я очень старался помочь ей. Очень. Но в последний момент струсил. Вдруг, что-то пойдёт не так и она умрёт? Или ребёнок родится мёртвым. Я запаниковал. Скинул одноразовый халат, чепчик и сбежал. Остановился только в двух кварталах от дома.

В любом случае, уже слишком поздно и Жанна родит там, где хотела. Но я всё равно должен вернуться. Мой это ребёнок или не мой, неважно. Жена точно моя жена и я должен её поддержать.

Еле волоча ноги, я буквально заставил себя войти в дом, подняться на второй этаж, а вот зайти в комнату силы воли не хватило — я сел на пол коридора и начал слушать оглушающую тишину. Она пугала меня и, в то же время успокаивала. Почему все молчат? Никто не кричит, не руководит родами, не плачет. Десять часов я был рядом с рожаящей женой. Десять часов я не слышал тишину. И вот сейчас стало слишком тихо, что изменилось?

— Папаша, вас сколько звать можно? — грубоватый акушер выглянул в коридор сразу после того, как младенец зарыдал.

— Они в порядке? — я даже головы не поднял, продолжил сидеть на полу, готовясь услышать страшное.

Если с Жанной или младенцем что-то случится — я никогда себе не прощу. У беременных женщин гормоны играют, нельзя было позволять ей рожать дома.

— Всё хорошо. Малыш абсолютно здоров.

— А моя жена? — я вспомнил, как пренебрежительно в нашем обществе принято

относиться к женщинам.

— Вас хочет видеть. Идёте?

Вот неужели нельзя сказать прямо? К чему эти загадки? Меня она хочет видеть! Зачем? Чтобы попрощаться перед смертью? Сказать своё последнее «прости»? Или просто позволить мне услышать свой последний вдох?

— Я не готов. Было так тихо, когда я пришёл...

— Молодой человек, не ведите себя как кисейная барышня, — акушер потрепал меня по плечу. — Тихо было, потому что младенец спал на груди, а мы оформляли бумаги. Только не спрашивайте, почему он закричал. Уже всё хорошо, подгузник поменяли.

Я облегчённо выдохнул, зашёл в открытую дверь комнаты и сразу получил в руки маленький кулёк в слишком большом для него комбинезоне. Малыш смотрел на меня моими глазами, возмущённо причмокивал и недовольно морщился. Жанна при этом ела куриный бульон с яйцом. Она не сразу заметила меня, а когда заметила, произнесла:

— Вы похожи, как две капли воды. Что ты скажешь своему другу?

— Солнце, мы не одни.

— Ты думаешь, эти люди ничего не знают? Не волнуйся, Артём позаботился об этом. А я тебя ничем не подставила. Малыш подставил.

Я изучал каждую чётточку его лица, находя всё больше и больше сходства со мной. Нужно быть слепым, чтобы усомниться в отцовстве. А я не слепой. И Артём тоже. Так же как и его врачи. Нужно было вытащить член из жены и не кончать в неё тогда в театре. Или вообще отказаться от участия в мероприятии в самом начале. Но теперь уже поздно что-либо менять.

— Что с нами будет?

Жанна равнодушно пожала плечами.

— Не знаю. Он отправит меня в Рай, а тебя в Ад. Мои родители воспитают нашего сына как родного. Так что всё хорошо.

Она шутит сейчас? Или издевается?

— Артём никогда с нами так не поступит. Ты родишь ему сына чуть позднее.

— А что если я скажу вам обоим «нет»? Вы — недомужики, даже взять меня силой не сможете, — она презрительно усмехнулась. — Не хочу быть разменной монетой в ваших руках.

— Жанна, ты не понимаешь, что говоришь. Даже не представляешь, что тебе придётся делать в Раю...

— Ещё как представляю. А ещё я не хочу, чтобы мой сын видел, как его мать живёт с мужчиной, который её совсем не любит и каждый год рождает от чужого мужика. Лучше смерть, чем такая жизнь. Поверь, так будет лучше для малыша, и я уже всё решила. Мы оба не справимся, а у моих родителей всё получится. Прости, что не смогла стать той женой, о которой ты мечтал.

— Дмитрий Островский? — полицейские вошли в комнату без стука. — Вы арестованы.

— За что? — я протянул руки, чтобы им удобнее было надеть наручники на меня.

— Соккрытие сексуальной девиации, введение в заблуждение контролирующих органов с целью получения лицензии на брак вне очереди, попытка зачатия несанкционированного потомства. В процессе расследования список предъявленных обвинений может быть дополнен, — формально отчеканил один из полицейских.

Этого не может быть! Артём сказал, что нам больше нечего бояться, а дети, рождённые не от мужей, чуть ли не вариант нормы! Проверяльщики должны были отстать от меня после того, как я доказал, что я мужик. Все девять месяцев беременности Жанны нас никто не трогал, даже психолог не приходил «поговорить по душам». Сейчас то что произошло? И почему именно в день рождения моего сына?

— Вы ничего не докажете. Я был примерным мужем и готов стать примерным отцом. Можете опросить соседей, знакомых, кого угодно.

— У нас есть свидетельница, показаниям которой мы точно можем доверять. Жанна Николаевна, поправляйтесь, — он перепутал отчество моей жены, или не перепутал...

— Спасибо. Я в порядке и готова понести наказание.

Что она несёт? От боли умом тронулась? Наш сын спит в колыбели рядом, впереди долгая счастливая жизнь, зачем ей в Рай? Меня передёрнуло от одного воспоминания об этом месте. Нужно реально лишиться рассудка, чтобы бросить новорожденного младенца и возжелать секса со старыми извращенцами.

— Мне кажется, у моей жены послеродовой психоз или как это правильно называется? Она сейчас не в себе. Ей нужен врач. У ворот стоит машина скорой помощи, она может...

— У камер видеонаблюдения не бывает психозов, — холодно прервал меня полицейский. — Мы получили заявление ещё пять месяцев назад. Ваше уголовное дело насчитывает двенадцать томов, к суду оно пополнится ещё десятью, не меньше. На вашем месте я бы не стал тратить деньги на хорошего адвоката. В Аду они вам пригодятся больше.

Мы стояли с Артёмом плечом к плечу в одной крошечной клетке два на два метра. Наши уголовные дела объединили в одно. Резонансная новость попала во все газеты — двое друзей пытались создать шведскую семью и воспитывать детей в разврате. Журналисты были весьма красноречивы, описывая тот ужас, который предстояло пережить нашим сыновьям. Два папы в одной семье. Немыслимо! Каждое утро, сидя в одиночной камере, я читал новости и понять не мог — как так?

— Ты извини меня. У многих получилось обойти систему, у нас нет. Я понимал, что что-то может пойти не так, но мне казалось, что я предусмотрел все риски и смогу разрулить любую проблему. Какое-то время у меня даже получалось.

— Жанна, она... Я не понимаю, что с ней случилось. Может, действительно, беременность так на мозг влияет.

— Просто она дочь своего отца. Я должен был учесть этот нюанс, когда одобрил её кандидатуру. Иногда, близость с родителями бывает вредна, а не полезна.

— Что ждёт её в Раю?

— Тебе лучше не знать. Ты не простишь меня, если узнаешь. Я должен был

предполагать, что она использует возможность и...

— Встать, суд идёт! — грозно произнёс худощавый парнишка, выполняющий обязанности секретаря судебного заседания.

Сегодня нам озвучат приговор — пожизненное заключение в Аду. Артём обещал использовать все свои связи и деньги, чтобы обеспечить нам максимально комфортную жизнь. Надеюсь, у него получится. И мы умрём счастливыми через много-много лет, объевшись несвежими лобстерами за ужином.

Моя судьба волнует сейчас меня меньше всего — когда у тебя есть сын и жена, в первую очередь думаешь о них. Даже представить себе не мог раньше, что до такого докачусь, но... У Жанны явно есть план! Сейчас малыша передали на воспитание её родителям. Они действительно смогут воспитать его лучше нас троих, но вряд ли только ради этого она решила предать меня, ведь это и её сын тоже.

Какая мать откажется от своего дитя, даже если будет знать, что без неё ребёнку будет лучше? Зачем Жанна сделала это? Почему увидела опасность во мне? Я так старался стать ей хорошим мужем... Но, видимо, у меня не получилось, потому что она решила, что в Раю, меняя мужчин каждый день, ей будет лучше. Можно было бы списать её предательство на жажду секса, если бы я точно не знал, что клитора у неё нет. Тогда зачем ей это? Боюсь, ответ на этот вопрос я не знаю никогда...

— ...пожизненно! — молоток ударил по столу.

Мы с Артёмом вздрогнули, хоть и знали заранее решение судьи. Добро пожаловать к нам в Ад. Навсегда.

Больше книг на сайте - Knigoed.net